

Элементы социологии досады и сожаления

Михаил Соколов

Кандидат социологических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге

Адрес: ул. Гагаринская, д. 6/1а, Санкт-Петербург, Российская Федерация 191187

E-mail: msokolov@eu.spb.ru

В статье рассматриваются некоторые социологические приложения двух идей, до сих пор развивавшихся преимущественно в поведенческой экономике и исследованиях организационного поведения: 1) что люди принимают решения, ориентируясь на избегание сожалений о возможной ошибке, а не на максимизацию полезности (regret theory), и 2) что новые решения принимаются в надежде оправдать прошлые решения (sunk cost fallacy). В статье утверждается, что две соответствующие области исследований, в настоящее время изолированные, могут быть объединены, если мы учтем, что выборы организованы для действующего в секвенцию, в которой удачность каждого прошлого выбора может переопределяться следующим выбором. Мы рассмотрим некоторые общие условия, предполагаемые феноменом сожаления: предвкушаемое взаимодействие со своим будущим «Я» и секвенциональную организацию выборов и событий, и коротко суммируем некоторые подходы к ним в социальных науках. Затем мы обсудим различные явления, которые можно интерпретировать как индивидуальные поведенческие реакции на предвкушаемые сожаления — ликвидацию когнитивного диссонанса, перспективную рационализацию, культивацию предсмотрительности, де-секвенирование и открытые финалы. В заключение мы рассмотрим формы коллективных действий, направленных на избегание сожалений, на примере развития социологической дисциплины.

Ключевые слова: теория сожалений, невозвратные потери, социология эмоций, рациональность, принятие решений, множественные «Я», секвенции

В те времена, когда социологи еще считали себя вправе смотреть на кого-то свысока, первыми, на кого они бросали снисходительный взор, были экономисты с их моделями утилитарно-рационального индивида и социальные психологи с их стремлением свести социальное поведение к набору разрозненных эффектов в индивидуальной психике. В этой статье мы попробуем показать, что, несмотря на эти предполагаемые пороки, во всяком случае в одном отношении экономисты и психологи сделали шаг, который социологам еще только предстоит сделать. Они систематически изучили возможности отказа от отождествления процедурной рациональности и ориентации действия исключительно на будущее. Исследования предвидимого сожаления (anticipated regret), развивающиеся в экономике и психологии последние 30 лет, утверждают, что мы не столько максимизируем ожидаемые выигрыши от своего выбора, сколько минимизируем сожаления, связанные с рисками выбрать неудачно.

Можно показать — и мы попробуем сделать это далее, — что избегание сожалений стоит за еще одним феноменом, также исследованным в психологии и поведенческой экономике, — эффектом невозвратных потерь (sunk cost fallacy, escalation of commitment). Эффект невозвратных потерь заключается в готовности продолжать инвестировать средства в начатый проект, даже если его успех сомнителен, и в свете нынешнего понимания ситуации альтернативные инвестиции выглядят более многообещающими (предельным примером будет готовность отдавать еще больше денег в классическом лохотроне вслед за уже потерянными). Эффект, разумеется, прослеживается не только в сфере экономического поведения. Подчиняясь этой тенденции, люди начинают работать по нелюбимой специальности, чтобы не признаваться себе, что получили образование, которое им не нужно, продолжают жить с теми, кого не любят, чтобы не сознавать, что надо было развестись годы назад, и поддерживают отправку все новых войск, чтобы кровь павших героев не была пролита напрасно (впервые длинный ряд примеров, в которых встречается подобная кажущаяся иррациональность, можно найти в ранней работе в этой области: Brockner, Rubin, 1985).

В этой статье мы, после обзора соответствующей экономической и психологической литературы, рассмотрим некоторые более общие предпосылки, предполагаемые избеганием сожалений: то, что действия являются взаимодействиями со своим предполагаемым будущим Я, и то, что курсы поведения понимаются как секвенции состояний, тянущиеся из прошлого в будущее. Далее мы обсудим, что эта перспектива предлагает социологическим исследованиям, и что они могут привнести в ее развитие. В частности, мы рассмотрим а) исторические и институциональные контексты, в которых конкретные формы сожаления имеют шансы превратиться в значимую силу, б) институты, воплощающие индивидуальные адаптации к угрозам сожаления, например, определенные формы психотерапии, пробного брака и либерального образования, и в) формы коллективного действия, мотивированные желанием избежать раскаяния в неверном выборе.

Теории сожалений и невозвратные потери в экономике, социальной психологии и теории организаций

Теории сожаления. Дискуссия о роли предвидимого сожаления (anticipated regret) развивалась параллельно в психологии и поведенческой экономике. Интерес экономистов к ней был подстегнут экспериментами Д. Канемана и А. Тверски (Kahneman, Tversky, 1979), продемонстрировавшими эмпирические отступления от модели ожидаемой полезности при принятии решений. Канеман и Тверски сформулировали свои наблюдения в виде ряда дискретных эффектов. Например, давно занимавшая умы экономистов загадка того, что один и тот же индивид может покупать страховку и участвовать в лотерее, получала в их работах следующую разгадку: индивиды склонны переоценивать небольшие вероятности, и в субъективном восприятии $1/100$ и $1/100000$ сравнительно мало отличаются друг от друга,

побуждая людей реагировать на любые маловероятные события как на одинаково возможные. То, что индивиды готовы предлагать диаметрально противоположные решения для одной и той же задачи в зависимости от того, сформулирована она в терминах приобретений или потерь, объяснялось Канеманом и Тверски общей асимметрией субъективного восприятия выигрышей и проигрышей (негативные эмоции, связанные с проигрышем, сильнее, чем позитивные эмоции, связанные с равным по размерам выигрышем, так что перспектива выиграть 100 рублей в орлянку не перевешивает перспективу проиграть 100 рублей с той же вероятностью). Наконец, существует эффект базы: индивиды переформулируют для себя задачу таким образом, что лучший результат, который может быть наверняка получен, рассматривается как уже полученный, и все остальные возможные исходы перепределяются относительно него (если один курс действия гарантирует мне 1000 долларов, а второй дает 50% за то, что я получу 2000, и 50% — за то, что я не получу ничего, то я мысленно переформулирую второй вариант для себя в виде «50% за то, что я выиграю 1000, 50% — что проиграю 1000», что в сочетании с эффектом асимметрии дает однозначное предпочтение первого варианта).

Предсказуемой реакцией экономистов на эти экспериментальные открытия стал поиск простой и изящной математической модели, которая свела бы разрозненные эффекты к какому-то общему знаменателю. Две независимо появившиеся в 1982 году работы (Bell, 1982; Loomes, Sugden, 1982; Bleichrodt, Wakker, 2015) стремились достичь этого за счет замены ожидаемой полезности интенсивностью ожидаемых сожалений. Последние определялись соотношением полученного результата и лучшего результата, который индивид мог бы получить, выбери он другой курс действия, если бы внешние обстоятельства складывались так, как они фактически складывались. Д. Белл в качестве интуитивно понятного примера различий между индивидом, максимизирующим ожидаемые полезности, и индивидом, минимизирующим возможную досаду, приводит некую управляющую компанию: ей нужно распорядиться пакетами ценных бумаг накануне выборов с непредсказуемым исходом, который, вероятно, изменит их относительные котировки (Bell, 1982: 963–965). Если выиграет кандидат А, нынешний портфель ценных бумаг подорожает на 10 пунктов, а если В — то подешевеет на 6 пунктов. Шансы кандидатов оцениваются как 50/50. Компании предлагают два варианта изменений в портфеле. При первом она получает плюс один пункт, какой бы из кандидатов ни победил (то есть при победе А она получает плюс 11 пунктов, при победе В — минус 5). При втором варианте изменений она получит минус 5 пунктов, если победит А, но плюс 11 пунктов, если победит В. С точки зрения стандартной модели ожидаемой полезности оба варианта эквивалентны и дают математическое ожидание выигрыша в +1 пункт. С точки зрения теории сожаления, однако, выбор стоит между тем, чтобы «наверняка получить +1 пункт» и «с вероятностью 50% выиграть 17, с вероятностью 50% — проиграть 15» (подавляющее большинство людей отвергает второй вариант). Белл пытался подобрать математическую функцию, которая делала бы эти перспективы неравноценными и позволяла объяснять большинство

наблюдений Канемана и Тверски большей или меньшей интенсивностью досады, которую индивид прогнозирует, если дела пойдут не так, как хочется.

Аналогично, в своей версии теории сожалений Дж. Лумес и Р. Сагден (Loomes, Sugden, 1982) предлагали дополнить функцию полезности специальными бонусами, положительными и отрицательными — досадой (regret) и ликованием (re-joice) — которые индивид испытывает, сознавая, что, сделай он все иначе, он бы выиграл, или, наоборот, проиграл. В этом смысле человек может покупать лотерейный билет не столько потому, что надеется купить выигрышный, сколько потому, что боится не купить его и замучить себя сожалениями, когда удача выпадет кому-то другому (в случае с лотерейным билетом сожаление обычно — хотя и не всегда — смягчается тем, что людям редко доводится узнать, что именно тот билет, на который они смотрели, но не купили, и был счастливым). Дополнительным бонусом этой модификации функции полезности является возможность объяснить неразрешимую для большинства моделей принятия решений проблему — эмпирически наблюдаемую нетранзитивность предпочтений (А предпочитается В, В предпочитается С, С предпочитается А) (Bleichrodt, Wakker, 2015).

Кажется, что микроэкономические версии теории сожаления до сих пор остаются в статусе интересной возможности, о которой помнят, но с которой никто не хочет связываться. В отличие от них, развивавшаяся параллельно с экономической психологической теория сожаления превратилась в небольшую индустрию исследований (см. обзоры в: Zeelenberg, 1999; Connel, Zeelenberg, 2002; Zeelenberg, 2018). Большинство работ в этом русле основаны на мысленных экспериментах (испытуемых просят представить себе, в какой из гипотетических ситуаций они испытают большие сожаления). Десятилетия исследований в этом ключе принесли следующие интересные результаты.

1) Интенсивность сожаления связана с актом индивидуального выбора (Sugden, 1985; Landman, 1987; Zeelenberg, 1999; Zeelenberg et al., 2018). Принятие выражено индивидуального решения, отклонение от курса, который в некоторой ситуации может считаться «умолчанием», вызывает более интенсивные сожаления, чем следование ему. Часто умолчание подразумевает недействие — в эксперименте Канемана и Тверски испытуемые предположили, что инвестор, который вложил деньги в провалившийся проект, испытывает больше сожалений, чем инвестор, не менявший состав своего портфеля, хотя его активы подешевели на аналогичную сумму (Kahneman, Tversky, 1979). Однако в экспериментальных условиях, в которых именно действие было бы ожидаемым поступком, как раз отсутствие действия ассоциировалось с более сильными сожалениями (предположительно, инвестор, не сделавший того, что сделало большинство игроков на рынке, испытывает больше сожалений, чем инвестор, сделавший то же, что и все, пусть даже их потери и равны). Важно отметить, что ответственность лишь слабо связана с рациональной предвидимостью последствий поступков; индивиды сожалеют о тех неприятных исходах своих действий, которые они, трезво рассуждая, не могли бы предвидеть, примерно с той же интенсивностью, что и о тех, которые они имели возможность

предвидеть (Connolly, Ordóñez, Coughlan, 1997). В этом смысле интуитивно убедительные предположения, что индивидам свойственно а) четко различать досаду (regret), подразумевающую самообвинение (self-recrimination), и разочарование (disappointment) по поводу того, что обстоятельства вне их контроля сложились не в их пользу, и б) переживать досаду болезненнее, чем разочарование (Sugden, 1985; Zeelenberg et al., 2018), не имеет однозначного подтверждения.

2) Следующий пункт пересекается с предыдущим пунктом. Легкость, с которой можно представить себе, что событий, повлекших за собой неблагоприятный исход, не произошло, увеличивает интенсивность сожаления. Эмоциональная реакция на личное авторство может быть (во всяком случае, частично) продолжением этого феномена, поскольку человеку, предпринявшему какой-то требующий сознательного решения шаг, нетрудно представить себе мир, в котором это решение не было принято. Научный сотрудник, обычно выходящий из дома в 9 утра в неглаженной рубашке, и однажды попавший в автокатастрофу, предположительно будет меньше сожалеть по поводу своих действий этим утром, чем научный сотрудник, один-единственный раз задержавшийся на 10 минут, чтобы, наконец, свою рубашку погладить, — и именно в этот день попавший в аварию, которая бы не случилась, выйди он в обычное время (Sugden, 1985).

3) Продолжая предыдущий пункт: чем легче представить себе альтернативный и более благоприятный исход, тем интенсивнее сожаление. Только дети и очень возвышенные натуры сожалеют о том, что люди не летают, как птицы (и те обычно только в обращенных к публике монологах), — но даже напрочь лишённые воображения индивиды могут представить себе, на что похоже быть на сотню долларов богаче.

4) Число сравниваемых объектов делает выбор и досаду, испытываемую после него, сильнее. Один из экспериментов показал, однако, что имеет значение не число объектов как таковое, а их разнообразие (Sagi, Friedland, 2007). Неприятная особенность выбора между губами Никанора Ивановича, носом Ивана Кузьмича, развязностью Балтазара Балтазарыча и дородностью Ивана Павловича состоит в том, что мы мысленно всегда сравниваем достоинства одного кандидата с достоинствами всех остальных, вместе взятых, — например, Никанора Ивановича с воображаемой фигурой, наделенной совершенным носом, дородностью и развязностью.

Экспериментальные данные показывают, что индивиды не просто осведомлены об этих особенностях своего восприятия, но и учитывают их при выборе. Наш выбор во многом представляет собой реакцию на ожидаемое или предвидимое разочарование (anticipated regret). В одном остроумном эксперименте (Zeelenberg, 1999: 96–98) индивиды стояли перед выбором между А и В, причем в одних экспериментальных условиях они должны были бы, вне зависимости от их выбора, позднее ближе познакомиться с последствиями выбора А, а в других — с последствиями выбора В (то есть в первом случае, если они выбирали А, то ничего не узнавали о В, но если выбирали В, то узнавали и про А, и про В, а во втором — на-

оборот). В первых условиях люди предпочитали А, а во вторых — В, так, чтобы никогда не узнать, от чего отказались. Общим выводом из этого и многих других экспериментов является regret-aversive (или mistake-aversive) склонность большинства людей: предвидимое ими ликование от удачного выбора слабее досады от неудачного.

Несколько исследований продемонстрировали влияние ожидаемых сожалений на поведение в жизненных ситуациях. Так, первокурсники, которых заставили поразмышлять о чувствах, которые они будут испытывать после незащищенного секса с незнакомцами, полгода спустя сообщали о меньшем числе случаев такового, нежели те, кого не подвергали подобным упражнениям (Richard et al., 1996). Потребители, которых побудили представить себе, как они будут чувствовать себя, если приобретенная ими аппаратура сломается, делали выбор в пользу более надежной и дорогостоящей (Simonson, 1992). Страховые агенты, впрочем, за столетия до этих экспериментов знали, что ничто не приносит им такого урожая, как хроника происшествий в новостях.

Невозвратные затраты. Исследования предвкушаемых сожалений в основном затрагивали, как и следует из названия, те сожаления, которые индивиды предполагали, что могут испытать в связи выборами, которые им еще предстояло сделать. В другой области, развивавшейся в теории организаций параллельно с исследованиями сожаления в психологии и поведенческой экономике (и в значительной мере в изоляции от них), основной темой стали иррациональные реакции, связанные с выборами, сделанными в прошлом, — реакции организаций на «невозвратные затраты» (sunk cost). Под «невозвратными затратами» понимаются ситуации, в которых фирма или политическая структура инвестирует в некий проект и продолжает развивать его, игнорируя поступающие сигналы о том, что проект с высокими шансами закончится неудачей, и даже если он и не потерпит полный провал, альтернативные вложения ресурсов принесли бы большую прибыль. Организация действует так, поскольку остановить проект — значит признаться себе и другим, что была сделана ошибка. Логика «невозвратных затрат» прекрасно сформулировал подрядчик в атомной индустрии, которого цитирует классическая статья: «главная хитрость в этом бизнесе — успеть начать строить очередной завод прежде, чем [антиядерное] движение узнает об этом. Если ко времени, когда они заявятся со своими демонстрациями и начнут требовать отнять у нас лицензию, мы успеем закопать в землю стали и бетона на много миллионов долларов, ни один [политик] в своем уме не решится остановить проект» (Arkes, Blumer, 1985: 125). Первой публикацией, посвященной невозвратным потерям, была статья Б. Сто (Staw, 1976). Надо отметить также книгу, в которой то же явление носит иное название, — «entrapment» (Brockner, Rubin, 1985).

Как и исследования предвкушаемых сожалений, изучение условий, в которых индивиды и организации склонны попадать в ловушку «невозвратных затрат», превратилось за последние десятилетия в небольшую индустрию (см. обзоры в:

Brockner, 1992; Sleesman et al., 2012). Фактором, на который указал еще Сто, была личная ответственность инициатора. Тот, кто отвечал за начало неудачного проекта, обычно энергичнее всего настаивал на его завершении. Завершение представляло для него шанс на самооправдание, возможность доказать, что замысел все-таки был верным. Перед кем индивид стремится в таких случаях оправдаться варьируется от случая к случаю. Чисто утилитарно, начав строить стадион, ответственные за него чиновники имеют все основания настаивать на продолжении проекта, пусть даже он не будет завершен вовремя и обойдется на порядок дороже, чем планировалось. Гораздо проще отбивать атаки критиков, имея на руках готовый стадион (поскольку тогда критикам придется доказывать, что налогоплательщикам в других странах аналогичная постройка обошлась куда дешевле, а это, с учетом уникальности проектов соответствующего масштаба, сложно), чем объяснить, почему многомиллиардная стройка была остановлена навсегда.

В примерах, в которых фигурируют организации, эскалация инвестиций в провальные проекты обычно являются в первую очередь попыткой рационализации своих действий в глазах других. Однако экспериментальные данные и многочисленные исторические примеры показывают, что готовность соглашаться на все более рискованные ставки, чтобы не признаться в том, что прошлые ставки были ошибочны, могут проявиться и в отсутствие внешней аудитории.

Почему индивиды продолжают повышать ставки, придерживаясь губительного курса, даже когда за ними не наблюдают? Здесь возможны две интерпретации — одна чисто когнитивистская, указывающая на искажения в процессе переработки информации, вторая — мотивационная и связанная с избеганием ожидаемых сожалений. Согласно когнитивистской интерпретации, вкладываясь в проигрышный курс действия, мы становимся жертвой психологических эффектов, сродни описанным Канеманом и Тверски. Как аргумент в поддержку когнитивной интерпретации указывается, что другим фактором, влияющим на готовность продолжать следовать порочному курсу, является близость проекта к завершению: в экспериментах подавляющее большинство субъектов были готовы выделить миллиард долларов на завершение проекта, осуществленного на 90%, даже несмотря на то, что вложение этого миллиарда в другой проект обещало большую прибыль. Лишь незначительное меньшинство, однако, готово было пренебречь более выгодным проектом ради проекта, который был осуществлен лишь на 10%, — даже в условиях, когда завершение начатого проекта также оценивалось в миллиард и сулило ту же прибыль, что и завершенного на 90% проекта из предыдущего примера (Garland, 1990). Гарланд видит в этом чисто когнитивное искажение в оценке масштабов (проект, 10% стоимости которого составляет миллиард, кажется обещающим большую отдачу, чем тот, 90% стоимости которого составляют миллиард, даже если экспериментальные условия прямо заявляют иное). Другое когнитивное объяснение поведения, связанного с невозвратными потерями, возвращает нас к идее асимметрии в субъективном восприятии выигрышей и про-

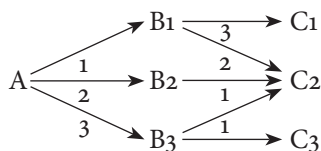
игрышей и к готовности идти на больший риск тогда, когда вовлечены потери, чем когда вовлечены выигрыши (Arkes, Blumer, 1985).

Объяснить феномен реакции на невозвратные потери мы можем, однако, и не ссылаясь на причудливые когнитивные искажения. Вместо этого мы можем рассмотреть их как частный случай избегания сожалений о неудачных выборах. Удивительным образом исследования сожалений и невозвратных потерь до сих пор практически не соприкасались, несмотря на то что между ними трудно не усмотреть фундаментальное родство. Для этого нам достаточно принять, что индивид предвидит в будущем сожаления не только о тех поступках, которые он собирается совершить, но и о тех, которые он уже совершил. Существование эффекта невозвратных потерь может быть понято как неизбежное следствие избегания сожалений в контексте, когда индивид в любой момент находит себя *уже* сделавшим некоторое количество шагов в том или ином направлении, о которых он обречен будет сожалеть, *если* в свете следующих шагов эти предыдущие шаги окажутся ненужными, излишними или просто ошибочными — например, если курс придется сменить. Удачность или неудачность прошлого выбора и наличие поводов сожалеть о нем отчасти определяются нашими сегодняшним выборами. Соответственно, избегание возможных сожалений о том, что мы сделали вчера, может определить то, что мы делаем сегодня.

Рассмотрим один пример. Представьте себе путешественника, объезжающего на общественном транспорте достопримечательности. Путешественник базируется в населенном пункте А и хочет осмотреть соборы С₁, С₂ и С₃, причем у него есть только один день, и он знает, что попадет только в одно из этих мест. Между С₁, С₂ и С₃ у него нет особых предпочтений, и он выбирает, исходя из соображений минимизации времени, которое ему придется провести в дороге. Ни в одно из мест не ходит прямой автобус, и добираться нужно через В₁, В₂ и В₃, причем дорога туда занимает столько времени, сколько указывают цифры рядом со стрелками (см. рис. 1). Представьте себе, что путешественник оказался в В₁ и теперь выбирает между перемещением в С₁ и С₂. Здесь возникает интересный парадокс. Путешествие в С₁ займет больше времени, и поэтому, если он рассматривает свое путешествие как перемещение из точки В₁ к финальному назначению, рациональным выбором будет С₂. Это рекомендация, однозначно следующая и из соображений максимизации ожидаемой полезности, и из минимизации сожалений. Однако если рассматривать его путешествие как путешествие по всему маршруту от А₁, то ситуация становится менее однозначной. С одной стороны, перемещение в С₂ все равно дает меньший по длительности совокупный маршрут (4 часа вместо 5). С другой стороны, в С₂ ведут две другие дороги — через В₂ и В₃, — и дорога через В₂ заняла бы на час меньше (3 часа). Отправься наш путешественник из В₁ в С₁ — и ему придется жалеть о лишнем часе, который не был бы потрачен, отправься он в С₂ через В₂. Участок пути от А₁ к В₁ в этом примере является примером невозвратной потери; если она включается в исчисление сожаления, то выбором должен быть С₁, а не более близкий С₂. Длительность двух маршрутов — хорошо

сравнимая вещь, и понятно, что маршрут в С₂ через В₁ хуже, чем маршрут через В₂. Но два собора, которые наш путешественник не видел, и один из которых он к тому же и не увидит, сравнимы куда меньше, и сожалений о том, что вместо прекрасного С₂ он увидит С₁, странник может опасаться меньше.

Задолго до того, как эти соображения возникли в умах экономистов и психологов, и уж точно независимо от них, они были открыты изобретателями классического лохотрона, который самым хищническим образом эксплуатирует человеческое стремление избегать сожалений об уже сделанных шагах. Лохотрон — как и большинство ситуаций с невозвратными потерями, — структурно можно представить как секвенцию событий, перемещение между которыми осуществляется под угрозой интенсивных сожалений. В любой момент, находясь внутри секвенции, жертва может предвидеть, что, решив покинуть ее, испытает раскаяние за то, что вообще начала играть, и за то, что не вышла ранее¹. Оставаясь в ней, однако, она сохраняет хотя бы призрачный шанс выиграть. Лохотрон работает за счет того, что каждый конкретный прошлый шаг — не выйти из игры — оказывается удачным или неудачным лишь в свете итога всей секвенции — и если вероятность удачного исхода становится с каждым ходом все более призрачной, то и неизбежные сожаления по поводу всех предыдущих не-выходов, которые индивид обречен испытать, наконец, выйдя, будут все более тяжелыми — и, соответственно, мотив оставаться в игре усиливается. В случае выхода жертва может предвидеть неизбежные сожаления — даже если нынешнее решение покинуть игру полностью оправдано, прошлые в его свете становятся ошибкой; оставаясь в игре, жертва на некоторое время сохраняет надежду на значительную долю ликования (то, что могло оказаться ошибкой, оказалось хорошей стратегией, демонстрацией самообладания и проявлением характера). Криминальная хроника 1990-х содержит множество свидетельств того, что люди часто готовы заплатить за эту надежду остатками своего имущества.

1. В дополнение к этому, жертва может предвидеть досаду от осознания, что выигрыш был возможен, останься она на еще на один ход в игре. Характерно в этом смысле, что большинство схем лохотрона подразумевает, что вышедший из игры обречен увидеть, как его деньги переходят к другому игроку, который находился в тех же условиях, но выстоял на ход дольше. Игрок, разумеется, является ассистентом основного мошенника, но об этом жертва никогда не узнает доподлинно.

Общие предпосылки и некоторые импликации для понимания человеческого поведения

Общие предпосылки. Существование предвидимых сожалений имеет некоторые далеко идущие следствия для понимания человеческой природы, которые, в свою очередь, указывают на прежде неисследованные области социальной жизни.

Во-первых, чтобы сожаления сыграли свою роль в принятии решений, действие должно быть мотивировано последующей оценкой этого действия самим индивидом. В любой момент t индивид должен ориентироваться на оценку или впечатления, которые сложатся у него в момент $t + 1$, когда нынешнее Я и серия предыдущих Я схлопнутся в одно персональное прошлое.

Во-вторых, для того чтобы индивид мог пожалеть о своем прошлом выборе, выборы и их последствия должны быть в его глазах организованы в последовательности или секвенции (или, во всяком случае, мое сегодняшнее Я должно быть уверено, что они будут таковыми для будущего Я). Чтобы эффекты невозвратных потерь сказались в полной мере, мое нынешнее Я должно ожидать, что мое завтрашнее Я оценит не просто выбор, сделанный сейчас, но и приведшую к нему траекторию; диахронически развертывающиеся события должны рассматриваться им как синхронный паттерн, наподобие запечатленного на рисунке 1, который может продолжаться сколь угодно далеко в прошлое.

Далее мы рассмотрим оба условия по очереди.

Будущее Я. Старая социологическая мудрость гласит, что любая оценка индивидом себя предполагает взгляд глазами Другого. В случае ожидаемого сожаления эта интеракция приобретает особенно нетривиальный характер, поскольку тот, чьими глазами индивиду необходимо смотреть на себя, — это завтрашняя версия его собственного Я². Для того чтобы предвидеть свою досаду, необходимо принять роль себя самого каким-я-буду-завтра.

Эксперименты М. Зееленберга и других проливают некоторый свет на то, как индивиды представляют себе впечатление их завтрашнего Я от выборов их сегодняшнего Я. Общий вывод из них: люди ожидают, что их будущее Я будет прискорбно слабо по части реконструкции своих прошлых информационных состояний. Оно не сможет провести различия между тем, что было ошибкой с их стороны, и тем, что было разумным риском. Именно это обстоятельство, видимо, стоит за неразграничением предвидимой досады и предвидимого разочарования.

Вернемся еще раз к рисунку 1. По поводу путешественника, находящегося в V_1 , можно спросить, как он вообще попал туда и почему сразу не отправился в V_2 . Чтобы объяснить это, нам придется снабдить историю о нем дополнительными подробностями — например, что он путешествовал в доинтернетную эпоху, когда расписание можно было выяснить только на соответствующей автобусной оста-

---

2. Луман отмечал, что возможность подобной коммуникации со своим собственным будущим «Я» сопровождает общую эволюцию социальной системы.

новке³. Находясь в А, он сел в автобус, который обещал доставить его в один из промежуточных пунктов В за минимальное время — один час, — предполагая, что, не имея никакой информации о том, что ждет его там, рационально исходить из соображений минимизации времени на первом этапе путешествия. Исследования предвидимых сожалений показывают, однако: индивиды ожидают, что будущее Я немилосердно относится к обоснованным, но, в итоге, неправильным догадкам. Это можно объяснить по-разному: с одной стороны, информация воспринимается как то, что можно получить, затратив дополнительные усилия (например, зайдя в турбюро). Хотя сегодня идея тратить время на наведение справок кажется мне неудачной, если окажется, что справка все-таки была нужна, мое завтрашнее Я будет грызть себя за то, что мое сегодняшнее Я пренебрегло ее получением. Возможно, однако, что завтрашние Я вообще судят нас не за недостаток способности к рациональному выбору, а склонны верить в то, что за нашими успехами и поражениями стоит свойство наподобие мистической удачливости. Поэтому они одинаково жестоко карают нас и за ошибки, случившиеся по нашей вине, и за провалы, за которые мы не несем ответственности. Действуя в условиях неопределенности, я опираюсь на догадки. Я думаю, что моя будущая версия будет знать точный ответ, но забудет, на что было похоже не знать его, или не станет рассматривать незнание как достаточное оправдание.

Правда ли это, и справедливы ли мы к своим будущим альтер эго? Эксперименты, посвященные разочарованию в психологии и поведенческой экономике, в основном фиксируют реакции на воображаемые ситуации («представьте себе, что бы вы испытали, если...»). Это оправдано, с одной стороны, этическими соображениями (эксперимент, фактически сопровождающийся сожалениями для участников, неизбежно был бы жестоким), с другой стороны — тем, что для принятия решений имеет значение именно то, как индивид представляет себе свои будущие сожаления, а не то, какими они фактически будут. Ошибки в понимании будущего Я реальны по своим поведенческим последствиям.

Тем не менее, верны ли наши догадки о наших будущих сожалениях — сама по себе захватывающая тема. К несчастью, об этом известно мало. Едва ли не единственное исследование, сравнивающее сожаления, которые индивиды испытывают, и сожаления, которых они ожидали, представлено в статье из 1990-х (Gilovich, Medvec, 1995), показывающей, что людям свойственно предвидеть сожаление от того, что они сделают, но недооценивать интенсивность будущих сожалений о том, что они не попытались сделать. Авторы приводят несколько возможных объяснений. Например: совершенные поступки обычно поддаются коррекции, в то время как несовершенные вовремя часто не могут быть совершены вообще. Неудачный брак в современных обществах всегда можно прервать разводом, но не решившийся рассказать о своих чувствах может не получить шанса все исправить, если избранник или избранница соединит тем временем свою судьбу с другим. Да-

---

3. Эта эпоха еще продолжается, впрочем, в Южной Италии и сельской Португалии — во всяком случае, для тех, кто не читает по-итальянски и по-португальски.

лее, людям легче вспоминать причины того, что они сделали, чем того, что они не сделали, и легче объяснить своему будущему Я, почему они что-то предприняли, а не почему они воздержались от действия. Опять же, произошедшие события обладают материальностью, которая позволяет видеть их отчетливо и находить в них светлые стороны (мой брак распался, зато я получил неиссякаемый материал для своего курса по социологии семьи!). Зато неслучившиеся события наделены неопределенностью, которая превращает их в благодатный материал для построения воздушных замков, становящихся особенно привлекательными по мере растворения в воздухе.

Существует также исследование основных поводов для досады американцев, показывающее, что самой распространенной темой сожалений является образование (не получил образование или, реже, получил не то (Roesе, Summerville, 2005)). Авторы интерпретируют это как свидетельство того, что наличие широких образовательных возможностей создает много поводов винить себя; к этому можно было бы прибавить, что целерациональные связки «учиться, чтобы пойти работать» неизбежно оставляют место для обвинений себя в бездарно потраченном времени, если работа не согласуется с профилем специальности. Здесь мы подходим, однако, к следующей важной теме — секвенциям, связывающим наши выборы с их отдаленными последствиями, — которая является законной именно для социологического исследования⁴.

Распознаваемые секвенции. Сожаления требуют воображения. Чтобы сожалеть о поступке, надо иметь возможность представить себе мир, в котором этот поступок не был совершен. Подобное воображение опирается, разумеется, на ресурсы определенной культуры — вещи, легко вообразимые для наших современников, были плохо вообразимы для людей прошлого (и, возможно, наоборот). Далее, чтобы сожаления о совершенных вчера поступках направляло наши действия сегодня, надо, чтобы наши выборы, сделанные тогда, и выборы, сделанные сейчас, представлялись нам элементами одной последовательности, разные элементы которой были бы связаны как цели и средства, или, по крайней мере, чтобы более ранние состояния признавались условиями достижения более поздних.

Большинство экспериментов, описанных в предыдущем параграфе, моделировали ситуации, в которых экспериментаторы могли с достаточной уверенностью предполагать, что между испытуемыми, ними самими, и будущими читателями их статей будет существовать полное единодушие в отношении того, что является последствием того или иного выбора (выбор шарика определенного цвета и получение выигрыша). Однако, хотя мастерство экспериментатора в социальной психологии и состоит в изобретении таких однозначных в своей интерпретации па-

---

4. Изучение секвенций в социологии имеет обширную и славную историю (Abbott, 1995). К сожалению, относящиеся к ней исследования имели дело почти исключительно с последовательностями, которые может обнаружить социолог, но не с теми, внутри которых видят себя герои его исследований.

рабол, изучение более широких социологических импликаций сожаления быстро приводит нас в неисследованные земли⁵.

Мы не будем пытаться здесь составить каталог последовательностей, ограничимся тем, что перечислим некоторые характерные типы, представляющие наибольший социологический интерес, в порядке возрастания абсолютной хронологической длительности.

1) *Салонные игры*, включающие в себя «игры шанса» и «игры стратегии», ведущиеся по каким-то заранее установленным формальным правилам и часто ограниченные пределами одной ситуации или взаимодействия лицом к лицу, в терминах Гоффмана (например, шахматная партия, если она ведется не по переписке, или «партия» в лохотроне; сюда относятся психологические эксперименты).

2) *Географические перемещения* — практические проекты, протяженные в пространстве и, до некоторой степени, во времени — как, например, перемещение индивида из A1 в C1 в нашем примере.

3) *Кампании* — серии взаимосвязанных шагов, предпринимаемые в рамках движения к некоей лежащей в отдаленном — в момент их начала — будущем цели; примерами могут служить военные походы, многоходовые политические заговоры или развертывание исследовательских проектов.

4) *Биографии* — серии служащих переходом друг в друга состояний, охватывающих определенную сторону жизненного цикла индивида, например, профессиональная карьера, кредитная история, интеллектуальная траектория или сексуальная биография. Биографии, во всяком случае, профессиональные, в современных обществах могут граничить с кампаниями — когда амбициозный старшеклассник задается целью стать президентом или получить Нобелевскую премию.

---

5. Попробуем формализовать это: для того чтобы индивиды могли о чем-то сожалеть, надо, чтобы некоторые области социальной жизни распознавались ими как последовательности состояний (примерами могут быть позиции на шахматной доске, физическое нахождение в каком-то месте, или, скажем, учеба в 7 или 8 классе). Секвенции состоят из состояний, в которых невозможно находиться одновременно, — скажем, нельзя одновременно учиться в школе и университете или находиться в Петербурге и Турине. Часть таких невозможностей физическая, другая легальная (со всеми оговорками по поводу того, как законы могут быть обойдены, например, в случае с невозможностью быть в браке с двумя сразу). Некоторые состояния являются смежными — из одного можно перейти в другое за один шаг или ход (например, перейти в следующий класс). В другие можно попасть только за несколько ходов (из пятого класса в десятый). Наконец, есть состояния, между которыми вообще нет пути (невозможно вернуться из десятого класса в пятый или вернуть назад пешки). Карта смежности создает сложную логику, позволяющую индивидам критиковать собственный выбор конечных состояний (когда индивид сознает, что с теми же затратами мог бы оказаться в более привлекательной финальной точке) или траекторий, ведущих к ним (когда индивид ощущает, что мог бы оказаться там же, где он сейчас, с меньшими издержками), или комбинации конечных состояний и траекторий. Попадание из одного состояния в другое частично является результатом собственного хода индивида, частично — ходов разумных партнеров, находящихся в стратегической интеракции с ним, а частично — ходов судьбы или природы, которая не реагирует на предполагаемые действия индивида. В нашем случае выбор B1, B2 или B3 был собственным ходом индивида, а расписания, которые он обнаружил, — ходом природы; будущие Я, говорят эксперименты, не способны определить, где заканчивается ход индивида и начинается ход природы, что приносит особенно богатый урожай сожалений.

5) *Коллективные движения* — могут граничить как с кампаниями, так и с биографиями, но по определению вовлекают в себя группы людей. Коллективные проекты часто выходят за пределы земного существования всех тех, кто эти проекты начал, — например, развитие политического сообщества, *дзайбацу* или научной школы. В их рамках стремление видеть свои собственные действия рациональными переплетается с моральными обязательствами перед другими участниками предприятия.

И сам набор секвенций, распознаваемых индивидами, и представления о том, какие последствия своих выборов в их рамках индивид может и обязан предвидеть, очевидным образом различны в разных социальных средах и в разных местах и эпохах. За пределами этого трюизма мы, к несчастью, не находим никакой более общей попытки систематизировать их рода и виды. Социальные науки породили, однако, по крайней мере два сильных тезиса относительно общих векторов развития секвенционального воображения, определяющего отношения индивидов с последствиями их поступков, — авторства Мишеля Фуко и Бенедикта Андерсона.

Оба, хотя и подойдя к этой идее с разных сторон, утверждали, что объем последствий, ответственность за которые индивиду приходится записать на свой счет, возрос при переходе к современным обществам; Фуко кроме того предполагал, что он продолжает возрастать и сегодня. Тень будущего, лежащего на наших современниках, гуще, чем у наших предшественников. Институциональным ее воплощением, предположительно, являются всевозможные воспетые Фуко организационные формы, ставящие наше завтра в прямую зависимость от наших действий сегодня и формирующие субъективность индивида, помнящего днем и ночью, что он может горько пожалеть о своих поступках (см. например, о связи дисциплинарности и формальных механизмов оценки качества в академическом мире в: Shore, Wright, 1999). Способность индивидов мыслить в категориях далеко идущих последствий является одновременно условием и следствием существования институтов, предполагающих значительную степень самодисциплины. Индивиды должны обладать способностью к самодисциплине, превышающей определенный порог, чтобы подобные институты вообще возникли, однако, после того, как начало положено, они справляются с задачей контроля над отдельными девиантами.

Андерсон утверждал, что одновременно с готовностью угадывать последствия своих поступков для себя самого возрастает и способность индивида проследить влияние, которое его действия оказывают на других людей. Здесь основную роль, предположительно, сыграли технологические изменения в сочетании с изменениями литературных жанров и конвенций. Андерсон связывал появление «сообществ судьбы» — групп людей, предполагающих, что их будущее неразрывно связано множеством неизвестных им самим способов, — с рождением жанра современного романа и появлением газеты, которые, в свою очередь, выросли из изобретения печатного станка (Андерсон, 2000).

Есть некоторые сомнения в том, что хроническая тревога по поводу возможных последствий своих поступков была менее характерна для европейцев до XVIII столетия, чем для наших современников. То, что люди прошлых веков кажутся нам свободными от сожалений, может скорее проистекать из нашей неспособности распознавать сожаления, которых избегали они. Древние греки, говорит Х. Арендт (Арендт, 2000: 253–264), страдали от постоянных опасений, что гражданский подвиг может привести к результатам, прямо противоположным намерениям героя. Аналогично, большинство наших современников вряд ли думает сегодня, что один маленький проступок может перевесить весы архангела не в их пользу и обречь на вечные муки, которые будут еще горше в силу отравляющей их вечной досады, хотя средневековые источники показывают, что это опасение активно использовалось при маркетинге душевспасительных услуг.

Тем не менее современность, несомненно, ассоциируется с распространением некоторых новых секвенций, возникновением новых сравнимостей и появлением новых агентов, которые специфически подвержены сожалениям. Сожаление — это блюдо, которое каждое общество готовит по-своему. Кажется, в частности, что современные государственные бюрократии с их императивом целерациональности, подотчетностью избирателям и, соответственно, потребностью в обосновании предшествующих шагов, оказываются неизбежными жертвами любых основанных на сожалениях ошибок и заблуждений (Meurer et al., 1997). Неудивительно, что бюрократ оказывается любимым героем литературы по безвозвратным потерям. Но и для новых агентов, для которых рациональность и целесообразность их действий являются основным оправданием их существования, и для старых новые угрозы возникают в связи с распространением новых сравнимостей — механизмом, позволяющим сравнивать два состояния, которые прежде не были строго сравнимыми (Espeland, Sauder, 2007). Путешественник, колебавшийся между соборами С1, С2 и С3, может испытать укол сожаления позже, открыв страницу в TripAdvisor и узнав, что с точки зрения массы туристов выбранный им С1 — куда менее значительный памятник архитектуры, чем два других.

Другим фактором, придающим сожалениям их специфически современный облик, становится распространение биографий в использованном выше смысле слова — как принудительного объединения событий в жизни индивида в некоторую последовательность, оцениваемую целиком с точки зрения ее целесообразности или оптимальности. Сбой в подобной последовательности не только болезненно переживается самим индивидом, но и превращается в социальную стигму, когда человек, получивший высшее образование, но работающий на низкоквалифицированной работе, считается «деклассированным» и не справившимся с жизнью. В несколько более мягкой форме эта стигма преследует и тех, кто работает не по специальности, особенно если полученное образование было трудоемким и бесполезным для всех, кто не занимает определенную нишу на рынке труда⁶.

6. Важное достоинство либерального образования состоит, видимо, в его *guilt-free* статусе. Люди, которые не учатся ничему конкретному, не могу сожалеть, что не работают по специальности.

Проявлением этой склонности рассматривать биографию как секвенцию является, видимо, умножение биографических дедайнов. Применительно к индивидуальным жизненным траекториям действие этого императива особенно значимо — и иногда разрушительно, — поскольку происходит на фоне действия другого императива — поиска себя. Последний утверждает, что все наиболее важные решения в жизни индивида должны приниматься по велению внутреннего голоса, воплощающего его подлинное Я. Они должны быть раскрытием его истинной сущности и сопровождаться ощущением абсолютной уверенности⁷. Брачный партнер или профессия должны быть не просто судьбой, а призванием (иначе у индивида всегда будут основания досадовать, что он не выбрал другую работу или другого партнера, которые были бы призванием). Императив нормальной биографии еще больше усложняет задачу поиска призвания — непростою и саму по себе. Он предписывает временные рамки, в которые нормальный индивид должен успеть созреть для принятия очередного судьбоносного решения. В обществах, придающих личному выбору большое значение, индивид, как правило, получает меню опций — чьим именно супругом стать или студентом какого факультета числиться, оставляется на его усмотрение. Он не выбирает лишь сам момент выбора. Жизнь представляет собой серию стандартных дедайнов, приближающихся с неотвратимостью смерти, но, в отличие от смерти, наступающих в заранее известное время. Выбравшие неправильно платят существенный штраф, но те, кто попытался уклониться от выбора, часто страдают еще больше⁸. Соответствующая обыденная теория обычно предоставляет окружающим интерпретации для отставания от графика, как правило, дискредитирующие отстающего. Академический мир особенно богат представлениями о нормальной карьере, отождествляющими скорость прохождения ее стадий с тестом профессиональной пригодности. Скорость, с которой преодолеваются ступени академической лестницы, однозначно воспринимается как показатель силы воли или таланта⁹.

Соблазнительно провести параллель между развитием воображения, становящегося для индивида источником (само)принуждения, и воображения, позволяющего, хотя бы в мечтах, преодолевать диктат сожалений. Возвращаясь к Андерсону, кажется, что развитие художественной литературы отражает не только

---

7. Чарльз Тэйлор (Taylor, 1989) возводит эту установку к кальвинистскому посюстороннему аскетизму, однако сегодня границы ее распространения мало совпадают с границами традиционного влияния конфессий.

8. Советская и нынешняя российская система, требовавшая от юношей в 17 лет определиться с узкоспециализированной учебной программой, на которую они собираются поступать, или отправиться в армию, была словно специально создана для того, чтобы производить волны сожалений на протяжении всей дальнейшей биографии индивида.

9. Это касается не только обыденного восприятия; можно найти классические статьи (напр.: Hargens, Hagstrom, 1982), в которых возраст защиты диссертации используется как основной индикатор интеллектуальной силы ученого. Каждый может сам вспомнить, как при нем или при ней фразы вроде «у X в тридцать нет ни одной самостоятельной публикации» произносились в значении смертного приговора, а «у Y в двадцать три уже есть статьи в первом квартале» — использовались как академический аналог лицензии на убийство.

рост готовности проследить непредвиденные последствия поступков индивида, составляющих сообщество судьбы. Оно также несет отпечаток развития вкуса к нестандартным, неожиданным секвенциям. Продвижение индивидов по одной из установленных биографических последовательностей можно разделить на два класса — *скучные* и *причудливые*. Скучные секвенции подразумевают перемещение по стандартной последовательности стадий в направлении заранее известной цели, скажем, как когда индивид получает образование по специальности и постепенно растет по карьерной лестнице в своей области. Причудливые секвенции могут отклоняться от этого линейного паттерна в любых мыслимых направлениях. X, который получил диплом по социологии или праву и стал криминологом, проделал скучную траекторию. Y, который во время учебы в университете получил десять лет за вооруженное ограбление, в тюрьме начал от тоски писать в криминологические журналы и вышел на свободу главой влиятельной научной школы, проделал причудливую траекторию, в которой, казалось бы, непоправимая неудача внезапно становится шагом к успеху. Другим примером такой секвенции, хорошо известной по классической литературе, будет история Z, которая надеялась встретить любовь всей жизни и выйти замуж, а вместо этого вначале вышла замуж и, вопреки собственным ожиданиям, встретила в супруге любовь всей жизни (что дает нам «Укрощение строптивой» и «Разрисованную вуаль»).

Современные аудитории демонстрируют специфический вкус к подобной иронии судьбы, и причудливые секвенции составляют одну из основных тем массовой культуры. Жизнь здесь, как и в других отношениях, имитирует литературу: индивидам нравится видеть собственные судьбы в терминах причудливых последовательностей, особенно если те в итоге оставляют их обладателями новой и лучшей идентичности.

Помимо этого чудесного спасения от неминуемых сожалений в коллективном воображении, множество деталей индивидуальных жизненных траекторий будет отражать более практические меры по их минимизации. В следующем разделе мы рассмотрим некоторое количество форм индивидуальной адаптации к секвенциям, заключающим в себе угрозу сожалений — ликвидацию когнитивного диссонанса, перспективную рационализацию, культивацию атемпоральности, новые смыслы и открытые финалы — которые окружают нас в повседневной жизни и в которых мы сами участвуем каждый день.

Частные адаптации

Ликвидация когнитивного диссонанса. Впервые поведение индивида, направленное на совладание с сожалениями, стало предметом исследования в рамках изучения когнитивного диссонанса. Хотя само понятие диссонанса шире и включает любые (ощущаемые индивидом) противоречия между когнициями, три типа классических экспериментов, которые Л. Фестингер и его коллеги использовали для демонстрации его существования, имели дело как раз со стремлением минимизи-

ровать досаду (Festinger, 1957; современная версия: Greenwald et al., 2002). В терминах нашего примера в первом из них индивид, объективно потративший больше времени на дорогу, убеждает себя, что сама дорога была интересной экскурсией по сельской местности (в примере Фестингера, те, кто получил меньшее вознаграждение за участие в скучном эксперименте, чувствуют, что он был интереснее, чем те, кому заплатили больше). Во втором случае индивид говорит себе, что собор С1 нравится ему больше, чем понравился бы С2 (те, кому заплатили меньше, склонны выше оценивать научный потенциал исследования, в котором они поучаствовали). В-третьих, попавшие в С1 избегают получать дополнительную информацию о С2, и наоборот — чтобы не убедиться случайно, что они выбрали неправильно (впрочем, последний эффект прослеживался лишь с большим числом оговорок — в других случаях, как замечал сам Фестингер, испытуемые как раз проявляли повышенный интерес к отвергнутой альтернативе). Несмотря на богатый репертуар имеющихся здесь возможностей, наша способность менять свои субъективные восприятия, чтобы достичь большего внутреннего комфорта, не безгранична, что доказывает само существование прочих форм адаптации. Сложно убедить себя, что чувствовал бы себя хуже, находясь во всех остальных отношениях в том же положении, что и сейчас, но будучи на тысячу долларов богаче.

Перспективная рационализация. Благодаря Фрейду термин «рационализация» широко используется для приписывания благовидных мотивов своим прошлым действиям, которые индивид бессознательно осуществляет, чтобы скрыть неприглядную правду о себе от себя самого. «Рационализация» в этом смысле противопоставляется «рациональности» (или «целерациональности» в веберовском смысле) — обдуманному выбору наиболее эффективных средств для достижения поставленной и находящейся в будущем цели. Рациональность перспективна, а рационализация ретроспективна. Есть несколько типов действий, которые не укладываются в эту ясную дихотомию. Предусмотрительный преступник, который планирует злодеяние с учетом необходимости предъявить алиби, тоже производит рационализацию определенного рода, но подготовка этой рационализации есть целерациональное действие. В этом параграфе мы рассмотрим класс действий, которые являются в этом плане еще более сложным случаем. Они совершаются сегодня для того, чтобы завтра некоторые действия, совершенные вчера, сохранили осмысленность. Действия, которые относятся к этому загадочному классу, можно описать как *перспективную рационализацию*. В рационализации во фрейдовском смысле следователем, которого невротик планирует ввести в заблуждение, является он сам, вернее, другая часть его личности, которая существует синхронно с вводящей в заблуждение. Здесь мы рассмотрим случай, когда одна из них — вводящая в заблуждение — отделена от вводящей временным интервалом¹⁰.

10. Проецируя это в фрейдовскую схему: наше будущее Я здесь соответствует сознательной части Эго, наше сегодняшнее Я — бессознательным частям Эго, осуществляющим работу вытеснения, а прошлые Я — бессознательному Id, чьи иррациональные поступки сегодняшнему Я приходится как-то рационализировать.

Примерами перспективной рационализации будут любые шаги, мотивированные желанием продолжить линию, заданную прошлыми действиями, и тем самым придать всему своему поведению видимость целенаправленности и рациональности. Все образцы поведения, квалифицируемые как проявления *sunk cost fallacy*, попадают в эту категорию. Сюда относится, однако, и множество обыденных действий, не рассматриваемых обычно как вопиющие проявления иррациональности, — например, выбор нашего путешественника, отправляющегося посмотреть на С₁, а не С₂. В поведенческой экономике, как описано выше, интерес к подобным решениям был связан с видимой разрушительностью многих из них, однако в социологии несколько раз высказывалось предположение, что аналогичный механизм может быть ответственен за значительную часть упорядоченности, которую мы вообще наблюдаем в социальной жизни.

Предположение прямо было выдвинуто Говардом Беккером в классической статье (Becker, 1960), посвященной «ставкам на стороне» (*side-bets*, Беккер предлагает этот термин как синоним для *commitment*), которые стабилизируют биографию индивида. Сделав тот или иной жизненный выбор, говорит Беккер, мы в разных отношениях связываем себя обстоятельствами, делающими его пересмотр невыгодным. Соглашаясь на работу, мы тем самым инвестируем в то, что экономисты назвали бы специфическими активами — человеческий капитал, который не пригодится, если мы переместимся в другую организацию, и тем более в другую сферу деятельности; социальный капитал (доброжелательные отношения с коллегами), который потеряет значительную часть своей ценности; возможно даже, основной капитал — если мы переезжаем ближе к работе. Слишком частая смена места занятости может производить плохое впечатление на следующего работодателя. Наконец, нам свойственно выстраивать свою идентичность — как публичную, так и скрытую от посторонних взглядов — вокруг таких вещей, как выбор занятия. Резко и внезапно сменив его, мы оставим других и, вероятно, даже себя, с вопросами о том, как это соотносится с той личностью, за которую нас принимали прежде. Подобные незначительные соображения, а не постоянство жизненных ценностей, придают человеческому жизненному курсу стабильность и постоянство (Swidler, 1986; Patterson, 2014)¹¹.

Данные исследований в самых разных областях показывают, что подобная логика выбора широко распространена при принятии решений во всех сферах — потреблении или финансовом поведении, при принятии политических решений, в обустройстве личной жизни или при физических перемещениях в замкнутом пространстве.

Так исследования музейных посетителей (*visitor studies*) демонстрируют, что одной из важнейших характеристик передвижения по залам является избегание возвращений; посетителей почти невозможно заставить пройти через зал, в котором они были, чтобы попасть в зал, в котором они еще не были, пока у них есть

---

11. Идея Беккера получила развитие в исследованиях лояльности рабочему месту (Meyer, Allen, 1984; Matheiu, Zajac, 1990) и способов проведения досуга (Buchanan, 1985).

шанс пройти в другой зал, где они не были, прямо, не возвращаясь. Их трудно заставить проделать даже полный круг внутри одного зала: если экспонаты размещены вдоль стен, то большинство осматривает только одну стену, а если в центре — то объекты в центре осматриваются только с одной стороны. Распространенной интерпретацией этого паттерна является «экономия усилий» (Bitgood, 2006), однако не совсем ясно, что именно экономится. Внимательный осмотр всех экспонатов внутри каждого зала способствует экономии пройденного расстояния в расчете на один осматриваемый экспонат. Мы можем найти этому объяснение, если предположим, что посетители музея испытывают инстинктивное отвращение к пересекающимся траекториям и предпочитают ведущие из одной точки в другую кратчайшим путем — при безразличии к тому, что составляет эти точки¹².

Люди, которые выбирают работу не потому, что она для них особо привлекательна, а потому, что тогда им пригодится полученное образование, и продолжают жить с теми, с кем не хотят, потому что иначе им не объяснить себе, ради чего они терпели все эти годы, в некотором смысле ведут себя как посетители музеев. Они принимают решение с учетом необходимости застраховать себя от досады или сожалений, связанных с тем, что, прими они эти решения иначе, им пришлось бы сожалеть или досадовать о принятых прежде решениях; они выбирают цели движения так, чтобы уже пройденный участок был движением к этой цели.

Важно добавить к этому, что в свете сказанного выше о причудливых траекториях и о том, что наши выборы являются основой восприятия нами самих себя, необходимость соотносить последующие шаги с предыдущими не всегда предстает перед нами консервативной по своей природе силой. Если последние события в секвенции могут переопределить все предыдущие как удачные, путь к победе, или, наоборот, неудачные, путь к поражению, то и финальные действия могут полностью переопределить характер героя. Этот пример позволяет нам различить контуры важной темы, которая, к несчастью, остается за пределами этой статьи. Выборы, которые совершает индивид, позволяют ему судить себя не только с точки зрения рациональности и способности к принятию решений. Они служат основанием для приписывания себе самых разных моральных качеств и свойств, включая решительность, твердость, способность и выдерживать удары судьбы, веру в себя и свою звезду (Goffman, 1967)¹³.

12. Внутри социологии этнометодология подошла ближе всего к систематическому исследованию того, как придание осмысленности и упорядоченности предшествующим поступкам может сыграть роль силы, направляющей совершение новых действий. Эта статья может пониматься как расширение подобной логики на область, традиционно этнометодологии чуждую.

13. Объединяя эту тему с темой нормальной биографии, можно отметить, что академический мир представляет собой серию вариаций на тему «Уловки-22». Те, кто не успевает за нормальным порядком академической биографии, презрительно отвергаются им, если в результате не публикуют что-то, что становится объектом всеобщего восхищения. Тогда они единодушно превозносятся как культурные герои, настоящие интеллектуальные берсерки, пренебрегающие опасностью ради одержимости идеей. Ретроспективно их отставание переосмысливается и из демонстрации слабости превращается в знак избранности. В силу общих надежд потребителей популярной культуры на то, что однажды ее клише войдут в их жизнь, аспирант, проявляющий все иные признаки одаренности, но отвергающий

Здесь искусство может снова дать интересный повод для размышления. Одной из форм саспенса, действующего на читателя, является моральный саспенс, проистекающий из неопределенности в отношении мотивов и характера персонажа. Еще до того, как стало известно содержание трех первых серий «Звездных войн», в глазах зрителей классической трилогии 1980-х Дарт Вейдер вытеснил Люка Скайуокера в качестве главного героя саги. Это было неизбежным следствием того, что кульминацией всей трилогии был выбор между сторонами Силы, который предстояло сделать именно Вейдеру. Если мотивы и характер Люка были понятны (и малоинтересны), мотивы его скрывающегося под маской отца составляли основную интригу¹⁴. Как и в других случаях, искусство здесь может предоставлять модели, следуя которым индивиды организуют собственную биографию. Если выборы на протяжении секвенций — это источник, из которого индивиды узнают, кто они такие, то финальный выбор может быть для них способом переопределить то, кем они были все это время на самом деле, в том числе в собственных глазах (Garfinkel, 1956). Это создает для индивида множество искушений однажды стать обладателем совершенно новой идентичности, в решающий момент придав всем предыдущим выборам иное значение; хотя остается открытым исследовательским вопросом, как часто люди поддаются этому соблазну в реальной жизни, а не в художественной культуре. Априорно приписывать перспективной рационализации сугубо консервативное звучание невозможно^{15,16}.

приглашения на работу, чтобы заниматься диссертацией, и не завершающий диссертацию из-за неудовлетворенности ею, может создать себе на несколько лет репутацию гения. (К несчастью, эту репутацию редко удастся транслировать за пределы очень узкого круга друзей научного руководителя, и трюк обычно не удастся более трех лет подряд. Самые талантливые из исполнителей в этом амплуа поэтому иногда меняют научных руководителей.)

14. Представьте себе, насколько меньшим было бы культурное влияние «Звездных войн», если бы Вейдер выбрал Темную сторону, а счастливый конец наступил бы вследствие большего искусства Люка в обращении со световым мечом.

15. Читатель может испытать моральный шок, когда окажется, что циничный негодяй, жертвующий другими людьми для исполнения собственного сокровенного желания, жаждет счастья для всех и даром. С точки зрения всего сказанного важно, однако, что характер героя обретает завершенность именно в результате этого поступка, а все его выборы (есть искушение сказать «объективно») становятся не тем, чем они были прежде, в первую очередь для него самого. Здесь можно провести параллель с ранней бихевиористской критикой теории диссонанса Бемом (Bem, 1968), который предполагал, что большинство фиксируемых изменений в аттитюдах может быть следствием того, что «внутренние состояния» вообще являются лишь моей интерпретацией моих же прошлых поступков. Когда, проделав бессмысленную работу, я думаю, что получил бы от нее больше удовольствия, если бы мне не заплатили, чем если бы я получил приличное вознаграждение, то это потому, что я спрашиваю себя: почему еще я мог бы заниматься этой работой, если не потому, что она казалась мне интересной? (Непохоже, впрочем, что сила этого эффекта достаточна, чтобы убедить кого-то, что ему нравится проигрывать в лохотроне или заполнять бюрократические формы). В этом смысле, совершив поступок, переопределяющий все сделанное прежде в новом свете, индивид должен внезапно открыть для себя, что всегда был носителем совершенно иных аттитюдов, нежели думал прежде, и только сделав самый последний ход может открыть для себя, кем он в действительности был все это время. Интересно, было бы создать некую типологию критических ситуаций, позволяющих радикально изменить созданную прежде идентичность, но эта задача явно выходит за пределы данной статьи.

16. Из этой возможности следуют несколько выводов, методологически неутешительных. Никакое наблюдение поведения индивида на протяжении сколь угодно длительного времени не позволит нам

Завершая этот раздел, надо отметить иронию того, что в ситуациях, которые, возможно, в наибольшей степени воспринимаются как проявления сокровенного Я, индивид максимально зависит от милости внешних обстоятельств. Лохотроны всех типов многим обязаны популярной культуре, героизирующей индивида, готового повышать ставки до тех пор, пока мошенническая схема не прогнется под него. Действительно, Колумб, день за днем удаляющийся от земли за кормой и тем самым делающий свое (и команды) возвращение все менее вероятным, ничем не отличается от любой другой жертвы невозвратных потерь — кроме того, что он доплыл до нового континента, появление которого прямо по курсу, однако, лишь в минимальной степени было его заслугой. То, что людям, воспитанным на соответствующих культурных мифах, нравится видеть себя в роли Колумба, ответственно за исчезновение множества кораблей, которые так и не увидели берега.

Культивация предусмотрительности. Два предыдущих способа адаптации помогают избежать собственных укоров в создании ситуации, когда потенциально проблематичный шаг уже сделан. Предусмотрительный индивид может, однако, избежать ловушки вовсе. Навскидку мы можем назвать два способа сделать это — придание событиям обратимости и «биографические контрацептивы». Всевозможные способы *придания событиям обратимости*, от возвратных билетов и товаров до разводов и отзывов депутата, позволяют вернуться в точку А до принятия решения с небольшими потерями. В случае с товарами и услугами возможность возврата часто предлагается самими производителями как средство для того, чтобы избежать сдерживающего влияния предвидимого сожаления на поведение потребителей. «Биографические контрацептивы» — это техники построения судьбы, обеспечивающие возможность эвакуации из принятой на себя в данной роли без слишком больших потерь. Они включают в себя различные способы ограничивать затраты времени и иные ресурсы на вхождение в нее, смотреть одним глазом вокруг, чтобы не пропустить подвернувшуюся возможность, и, наконец, избегать шагов, последствия которых было бы трудно аннулировать. Вынужденные получать образование могут намеренно выбрать то, которое будет наименее обременительным, и если они ни разу не воспользуются его плодами, то могут сказать себе, что и не потеряли на него времени; крюк, который им придется сделать, будет все равно небольшим¹⁷. Эволюция форм ухаживаний в западных обществах к современному пробному браку представляет собой отличный пример, допуская как относительно быстрый и безболезненный возврат товара, так и органичное развитие в направлении союза до гробовой доски.

сказать, что именно будет выбрано в решающей ситуации, и именно потому, что выбор может быть сделан специально, чтобы перечеркнуть предыдущие выборы.

17. Эта тактика родственна, хотя и отличается от получения образования по профилю, которое обладает наибольшей применимостью в самых разных областях, например, математике (по контрасту с египтологией или обработкой металлов давлением).

Десекувенирование. Помимо предусмотрительности, индивиды могут, опираясь на доступные культурные ресурсы, пытаться изменить свое восприятие секвенций как таковых. Эта форма адаптации соприкасается с чисто психологическими механизмами ликвидации когнитивного диссонанса, но отличается от нее тем, что здесь не просто переоцениваются какие-то состояния, а переопределяется сама их последовательность. Первая опция здесь — *культивация атемпоральности*, означающая обращение к многочисленным практикам, которые должны научить индивида думать о каждом мгновении как о цели, и ни об одном — как о средстве. Список этих практик включает йогу, медитацию и психотерапию; само богатство выбора заставляет задуматься, помогает ли хоть одно из них. Тем не менее, если тотальное разрушение темпоральности и не по плечу большинству, атемпоральность, видимо, работает в отношении отдельных жизненных проектов, как когда кто-то заранее приучает себя смотреть на начинающийся роман как на самостоятельное приключение, тем самым заботясь о том, чтобы его неперерастание в семейную жизнь не принесло разочарования.

Следующее приспособление, *пересадка*, предполагает, что подлежащие переоценке события вписываются в иную секвенцию, в свете которой действия индивида и случившиеся с ним события приобретают более утешительное звучание. Исследованиями подобных защит в основном занимались нарративная психология и связанные с ней формы терапии (Smith, Sparkes, 2008; McAdams, 2008), предлагающие индивиду обрести смысл жизни за счет переосмысления своей личной истории. Подходящий пример подобной работы приводит в классической книге Виктор Франкл:

Однажды пожилой врач общей практики обратился ко мне по поводу глубокой депрессии. Он не мог примириться со смертью жены, которая умерла за два года до того и которую он любил больше всего на свете. Как я мог помочь ему? Что я должен был сказать ему? Я не стал утешать его, а вместо этого спросил: «Что было бы, доктор, если бы Вы умерли раньше, а Ваша жена пережила Вас?» «О, — ответил он. — Для нее это было бы ужасно, она бы так страдала!» «Вот видите, доктор, — сказал я тогда ему, — от какого страдания вы спасли ее. Но ценой этого спасения было то, что вы пережили ее и страдаете сами». Он не сказал ни слова, но молча пожал мне руку и покинул мой кабинет. В некотором роде, страдание перестает быть страданием, когда оно приобретает значение — такое как значение жертвы. (Frankl, 1984: 117)

Процедура обретения смысла, которую предлагает Франкл, состоит в трансформации самой воспринимаемой секвенции (добавления новых событий, перепределения связей между ними), превращающей испытание, перенесенное индивидом, в условие наступления состояния, которое он может считать желательным для себя и мира, и которое не наступило бы, если бы испытания не произошло. В некотором отношении Франкл предлагает эксплуатировать слепоту нашего нынешнего Я к ситуации нашего прошлого Я, выдавая ему то, что было ударом

судьбы, за свободный выбор индивида, способный придать тому новую значимость в собственных глазах. Именно эта слепота (в других ситуациях добавляющая сожалений) позволяет нам переопределить случайную гибель как осознанную жертву. Кроме того, Франкл предлагает нам эксплуатировать наше культурное воображение, позволяющее представить себе связи между любым прошлым и практически любым последующим событием, тем самым добавляя вроде бы законченной секвенции элемент причудливости. Задолго до того, как Франкл познакомил нас с этим приемом, мир уже был покрыт памятниками солдатам проигранных сражений и неудавшихся революций, надписи на которых на все лады и часто без больших оснований превозносили ненасправность их жертв. Тем не менее кажется, что все эти уловки имеют лишь весьма избирательную эффективность. Индивид может теоретически допускать, что потеря денег в лохотроне была величайшей удачей в его жизни, поскольку, выиграв он главный приз, он отправился бы в отпуск вместе с семьей и попал в авиакатастрофу. Мало кто, однако, соглашается утешиться таким образом полностью¹⁸. В случаях, когда можно представить себе все что угодно, ни один вариант не обладает достаточной правдоподобностью.

Открытый финал. Многие хорошо очерченные секвенции — опять же, лохотрон или профессиональная карьера, — имеют также четко обозначенный финал (передача выигрыша, выход на пенсию), до которого проследить их не представляет труда, а за пределами которого это требует очевидного напряжения фантазии. В других случаях, однако, даже вполне распознаваемые секвенции не имеют ясного конца, при этом длятся достаточно долго, чтобы существовали приличные шансы на то, что индивид не застанет ее финальных фаз. Будущее Я, которое могло бы осудить свое прошлое Я за плохо сделанный выбор, просто никогда не возникнет. Печальная сама по себе, смерть избавляет каждого из нас от множества иных сожалений. Она снабжает наши проекты открытым финалом¹⁹. Так, одно из преимуществ творческой карьеры состоит в том, что (как знает каждый начинающий ее человек) подлинное признание может прийти к нему после смерти, и, соответственно, смерть в безвестности не является безоговорочным поражением.

Это логически приводит нас к следующей теме — коллективным проектам, в которых шансы не увидеть их финальные фазы велики для каждого отдельного участника, но в которых всегда есть другие, ответственные перед ушедшими.

---

18. Во всяком случае, пока ему не приходит на помощь ангел-хранитель, как в «Этой прекрасной жизни» Фрэнка Капры (мои благодарности Дарье Димке, предложившей этот чудесный пример святочной фантазии на тему избегания сожаления).

19. Интересно, что популярность открытого финала как художественного приема, кажется, существенно выросла в эпоху, которая воспринимается как эпоха тирании рационализации.

Коллективные движения

Все перечисленные выше формы адаптации к угрозе сожаления касались событий индивидуальной жизни и могли быть предприняты в личном порядке. Люди могут досадовать и на исход коллективных предприятий, в которых им случалось принять участие, причем не меньше, чем на исход индивидуальных. Эта досада частично относится к их собственной судьбе — они могут представлять себе будущее, которое наступило бы, если бы они не примкнули к обреченному на неудачу делу. Помимо подобных эгоистических соображений большинство из нас способны к определенной эмпатии по отношению к другим участникам общего предприятия и, возможно, к самому предприятию. Продолжая проект, в который были вложены силы многих людей, индивид перспективно рационализирует не только свои выборы, но и выборы многих других; человек может делать следующий шаг, чтобы придать смысл предыдущим, сделанным другими.

Следствия поступков индивида зависят не только от самого индивида и слепой судьбы, но и от людей, его окружающих. Они так же, как и он (и иногда в большей степени, чем он) определяют, имели ли его шаги желанные следствия. Преуспеет ли герой, совершающий подвиги ради бессмертной славы, зависит от тех, кто сохраняет о нем память (о чем, очевидно, хорошо были осведомлены те, кто становился забыть проклятого Герострата). Героические сообщества типа полисов, стремящиеся поощрить своих членов к воинской добродетели, обычно создают мощные институты коллективной памяти, которые при жизни дают понять молодому человеку, на какую награду он может рассчитывать после смерти — тем самым побуждая того к подвигам и мотивируя примером памяти о нем уже следующие поколения. У Арндт функционирование институтов, проносящих память о гражданской добродетели сквозь поколения, является условием ее проявления; только они обеспечивают получение награды и, соответственно, придают жизни тех, кто стремился к этой награде, смысл (Арндт, 2000).

В другой статье автор данного текста утверждал, что именно стремление сыграть роль полиса, увековечивающего память своих героев, было решающим в определении направления развития социологии (Соколов, 2015). Общим местом является то, что развитие социальных наук во многом направлялось стремлением уподобиться естественным наукам, в первую очередь физике. Можно, однако, уподобиться физике большим числом способов, подчеркивающих одну ее сторону за счет других²⁰. Можно стремиться создать дисциплину, формулирующую закономерности в математической форме (этим путем проследовала экономика), обладающую предсказательной силой (*data science*), беспристрастную и смотрящую на мир с отстраненной прямоотой клинициста (человеческая этология в версии Гоффмана), наконец, кумулятивную и помнящую своих предков. Пути во многом

---

20. По некоторой неведомой причине социологии — как и экономике, психологии и прочим ее товаркам по несчастью, — до сих пор не удалось уподобиться физике во всех смыслах сразу, и пришлось выбирать.

исключают друг друга (скажем, предсказательная социальная наука, использующая большие данные, во многих отношениях будет некумулятивна (Hofman et al., 2017)). Из всех этих путей социология на протяжении последних 50 лет (а в некоторых отношениях и раньше) последовательно выбирала те, которые позволяли ей видеть себя именно кумулятивной специальностью. Не преуспев в создании социальной физики, дисциплина стихийно обратилась к формам работы, которые позволяли ей присвоить хотя бы то, что вызывало наибольшую зависть в физике, но другими средствами. Поскольку смысл академической жизни состоит в кумуляции знания, развитие социологии во многом определялось стремлением развивать жанры, которые позволяли современникам ощущать себя «стоящими на чьих-то плечах».

Жанровые конвенции социологии в том виде, в каком они сформировались, подразумевают, что любой ее представитель, занятый исследованием, сможет ощутить себя наследником парадигм, созданных классиками и развитых множеством последователей (за неспособность перечислить которые в первых абзацах статьи автор нещадно карается рецензентами). Вводя переменные в регрессионные уравнения, мы ссылаемся на имена, стоящие за введением каждого из них; часто не имея никакого иного значения, наши коэффициенты являются поводом перечислить тех, кто стоял за их появлением²¹.

---

21. Этот же фактор может быть ответственен и за то, что социология вообще сохраняется в качестве имеющей единую идентичность дисциплины, несмотря на то что внешнему наблюдателю она может показаться серией дискретных интеллектуальных проектов, непонятно почему носящих одно и то же название. На протяжении большей части XIX столетия социология подразумевала позитивистское движение, которое с помощью сравнительно-исторического анализа стремилось вывести законы человеческого общежития. Однако почти полное вымирание позитивизма XIX века в первые десятилетия XX не привело к исчезновению групп, которые идентифицировали себя как «социологов» и возводили свою генеалогию к Конту. В этом смысле социологи были похожи на европейские государства, объявлявшие себя наследниками Римской империи. В отличие от наследников Римской империи, однако, их поведение нельзя было объяснить тем, что они старались добавить себе политической легитимности, апеллируя к славному прошлому. Мало кто помнит о прошлом социологии, помимо самих социологов; способность возвести свою генеалогию к Веберу или Дюркгейму не служит укреплению позиций социологии во внутриуниверситетских распрях или в глазах неакадемической публики. Социологи лелеют соответствующие традиции ради собственного употребления. Мы можем представить себе, что они движимы при этом задачами перспективной рационализации как собственной биографии, так и биографий своих учителей. Проект социальной науки в целом начался с намерения что-то открыть, изобрести или доказать, понимая эти открытия и доказательства по аналогии с естественными науками. Последующее разочарование пришло в момент, когда и дисциплиной, и индивидами уже были сделаны слишком крупные ставки — экзистенциальные в еще большей степени, чем экономические, — чтобы можно было просто выйти из игры. Надо отметить в заключении этой безразмерной сноски, что те, кто посещал собрания Американской социологической ассоциации в прошлые годы, мог вернуться с ощущением, что мы все-таки оказались в финале. Наметившееся еще в 1990-е годы движение к появлению двух социологий — популистской, представляющей собой академические филиалы социальных движений, и элитистской, отвергающей дискурсивную аргументацию в пользу развития количественных методов, кажется, привело к появлению двух дисциплин, склеенных друг с другом лишь тем, что ни у одной из них нет устойчивого альтернативного названия (Stinchcombe, 1999). Обе, хотя и по разным причинам, слабее привязаны к своим предкам, чем социологи предшествующих десятилетий.

Я остановлюсь за шаг до того, чтобы сказать, что социология является примером лохотрона — без мошенников, но с добровольными жертвами. Возможно, нынешний курс выведет нас к берегам, на которые хотели попасть Конт, Вебер, Парк или Парсонс, — или в еще более прекрасное место. Но даже если этого и не случится, это наверняка станет ясно уже после того, как мы выйдем из комнаты. Как жертвы лохотрона, мы остаемся в игре, чтобы отложить момент, возможно, неутешительного конца (закрытие социологических факультетов неолибералами? Их захват экономистами?), но, в отличие от лохотрона, мы можем с хорошими шансами задержать этот момент достаточно надолго, чтобы не застать его вовсе. В этом смысле коллективные движения — такие как дисциплины или национальные государства, — в глазах каждого конкретного поколения имеют открытый финал: они могут, безусловно, пресечься навсегда, тем самым обратив усилия предшественников в прах, если нынешнее поколение не приложит достаточно усилий — но могут и не пресечься, будучи переданными заботам потомков, к которым таким образом перейдет вся ответственность.

Коллективные движения, таким образом, порождают новые формы обязательств и взаимной ответственности, распространяемой в том числе на тех, для кого их участие в этом проекте уже завершилось открытым финалом. Помимо этого, они открывают своим участникам совершенно новые возможности в области избегания сожаления. Сожаление предполагает неблагоприятный исход того или иного выбора, а определение исхода как неблагоприятного предполагает возможность благоприятного исхода. Пока наш индивид может лелеять в себе веру, что S_1 лучше S_2 , его траектория в его собственных глазах может быть образцом рациональности. Как показали Фестингер и другие, в этой ситуации он может целенаправленно избегать получения информации о S_2 . Однако другие люди обычно становятся для индивида источником принуждения к тому, чтобы замечать те вещи, которые ему полагается замечать, включая те, которые он не хотел бы заметить²². Если индивиды не оказывают давление друг на друга, а вместо этого более-менее неявно поддерживают друг друга в подобном невнимании, то шансы, что их взгляд никогда не сфокусируется на свидетельствах их ошибок, велики. Более того, группы индивидов могут, видимо, усилиями коллективного воображения находить гораздо более убедительные продолжения секвенций, переопределяющие их смысл, чем это сделал бы кто-то из них по отдельности.

Социальные науки могут послужить здесь удачным примером. Еще Роберт Мертон замечал, что одно из наибольших разочарований, которое постигает ученого, — его могут опередить другие как раз в тот момент, когда работа завершена и текст готов к публикации (Merton, 1957). Помимо того, что это явная карьерная неудача (мало кто помнит имена тех, кто воспроизвел знаменитое исследование,

---

22. Ученым полагается знать все релевантные факты в своей области, однако что такое «своя область» — в высшей степени расплывчатая материя (к какой области принадлежит эта статья?), в ней практически границы определяются тем, что находится в поле зрения рецензентов журнала и других читателей, которые могут призвать автора к ответу.

даже если они сделали это полностью самостоятельно), повторение чужих данных рушит основания для претензий ученых на смысл их академической жизни, где главное состоит в том, чтобы ни один кирпичик не пропал зря, и каждый строитель здания науки обретал в ней свое уникальное бессмертие.

Еще более разрушительной для самооценки индивида может оказаться ситуация, когда искомый результат был получен не просто конкурирующей группой, а был где-то совсем рядом все время и не был им замечен исключительно по вине несостоявшегося изобретателя²³. Разочарования можно избежать, если ограничить контакты с внешним миром. Это обычно не удается отдельным ученым (если они не Симон Кордонский), поскольку ученые не упускают случая упрекнуть своих ближних во вторичности. Однако группа ученых, в силу относительной изоляции от внешнего мира надзирающих друг за другом, не подвергаясь контролю извне, может совместно создать «кокон умолчаний», или, по выражению Зерубавеля, *conspiracy of silence* (Zerubavel, 2006), который будет защищать их от разочарований. Заметим в продолжение сказанного ранее о придании смысла биографии как коллективном действии, что шансы каждого ученого на внесение уникального вклада в копилку человеческих знаний определяются не только его следованием нормам, требующим составить обзор литературы перед тем, как пускаться что-то исследовать, но и тем, насколько им следуют другие, поддерживающие необходимую инфраструктуру и карающие за то, что кто-то воспроизведет его результаты, не сославшись на первоисточник (именно этой силе противостоят группы, пытающиеся создать вокруг себя кокон коллективной неосведомленности). Дисциплина в этом смысле мало отличается от арендтовского полиса; она прежде всего является организацией коллективной памяти. Вместе актеры и зрители делают историю об уникальном вкладе в науку правдой.

В статье (Соколов, Титаев, 2013) создание неформальной организации, саботирующей подобный взаимный контроль и ставящей уникальность под сомнение, было названо «туземной наукой» и связывалось, прежде всего, с географической локализацией и языковыми барьерами. Ссылаясь на уникальность местного контекста и важность обращения к местной публике на ее языке, ученые могут с относительно чистой совестью игнорировать всех, находящихся за пределами их «кокона». Важно помнить, однако, что дисциплины по самой своей природе являются такими заговорами умолчания (во всяком случае, в социальных науках) и играют подобную роль даже там, где более одиозные формы туземности изжиты. Социолог, проявляющий хоть какой-то интерес к тому, что происходит за дисциплинарными заборами, наверняка может вспомнить, сколько раз ему приходилось

---

23. Научные дисциплины варьируются по своей способности образовывать такие «коканы», причем водораздел проходит, кажется, не по границе «естественные — гуманитарные». Страховкой служит относительное однообразие номенклатуры, которым может похвастаться, в частности, история. Историк куда меньше рискует обнаружить неизвестные ему работы об Иване Грозном, если он честно искал литературу по имени деспота в Гугле, чем социолог, социальный психолог или поведенческий экономист — узнать, что его любимая идея повторяет давно известное.

обнаруживать, что революционные идеи социологов оказываются трюизмами по меркам философов, антропологов, психологов или экономистов²⁴.

Продолжая тему коллективного неведения, группа, (само)оценка которой связана с оценкой некоторого проекта, может не только изолировать себя от информации, поступающей из внешнего мира, но и полностью предотвратить появление информации, способной в чьих-либо глазах послужить почвой для неблагоприятных сравнений ее достижений с достижениями конкурирующих групп. Примером может считаться история советского общества, для которого такой сензитивной темой была любая информация, выставляющая СССР в неприглядном свете по сравнению с его капиталистическими соперниками (тем самым представляя выбор социалистического пути развития как ошибку). Это настороженное отношение к потенциально дискредитирующим сведениям было одним из лейтмотивов истории советской социологии; оно приводило не просто к массовому засекречиванию статистики, но и к отказу собирать ее. Кроме того, хотя сами по себе социологические исследования были полностью легитимированы к началу 1970-х, многие темы оставались запретными. Едва ли ни самые ревностно насаждаемые запреты касались сравнительных исследований, представляющих в воспоминаниях современников как табу, нарушения которого, даже вполне безобидные, пресекались, а виновный мог стать объектом репрессий (см., например, «дело Голофаства», который недостаточно отчетливо противопоставлял развитие семьи в капиталистических и социалистических обществах (Божков, Протасенко, 2005)). Причины вполне объяснимы: сравнительное исследование было исследованием того, в какой мере советский эксперимент мог считаться успешным по сравнению с достижениями развитого капитализма. Вопрос об этом был вопросом об ответственности инициаторов эксперимента за его исход и, в конечном счете, о легитимности Партии и Правительства, непосредственно иницировавших его (Sokolov, 2017). Более того, поскольку советское общество — согласно его официальной идеологии, — развивалось по всеобъемлющему плану, отставание в любой сфере могло трактоваться не в пользу его «руководящей и направляющей силы» — КПСС. Чтобы избавить тех, кто доверился ей, от сожалений по этому поводу, руководящая и направляющая сила пыталась предусмотрительно ликвидировать почву для любых неблагоприятных для нее сравнений.

Заключительные замечания

Эта статья преследовала две основные цели. Одной из них было разобраться с тем, чем исследования досады и сожалений, развивающиеся в соседних дисциплинах,

---

24. И уж совсем плохо придется ему, если он обратится к художественной литературе и задаст вопрос, возможно, занимавшим его ум во времена, когда он был пытливым третьекурсником: как у социологов получается верить в существование специфической «социологической теории» или «социологического воображения», если все, что выдается за таковые, регулярно встречается в классической художественной литературе? Можно ли обнаружить у Бурдые ошеломляющие озарения относительно социальной жизни, которые отсутствуют у Пруста, Толстого и Вуди Аллена?

могут быть полезны для социологов. Второй целью было понять, какие услуги социологи могут оказать другим дисциплинам в их изучении этой области. Как, вероятно, понял добравшийся до этого места читатель, автор скептически настроен в отношении теории, гласящей, что социально-научные дисциплины разделяют непреодолимые барьеры когнитивных стилей. Тем не менее исторически развивавшиеся сензитивности разных специальностей делают их более или менее приспособленными к анализу разных сторон общих проблем. Одной из задач этой статьи было обозначить некоторые возможности для развития социологии сожаления²⁵.

Говоря о том, что теория сожалений может дать социологам, мы прежде всего укажем, что она позволяет распознать общую логику за многими индивидуальными и коллективными практиками, перечисленными в предыдущих параграфах. Помимо этого, она предлагает отправную точку для пересмотра наших теоретических моделей рационального действия и для переформулирования социологии эмоций. Сожаления позволяют поставить под вопрос некоторые традиционные социологические оппозиции, рассмотрев парадоксальный случай поведения, которое во многом не укладывается в обычные рамки рационального и иррационального. И правда, действия, мотивированные предвкушаемой досадой, представляют собой значительную сложность для размещения в одной из ячеек стандартной веберовской классификации. Их можно рассматривать как расширение целерациональных действий, однако, в отличие от веберовского понимания целерациональности, они по своей природе являются реакцией на прошлые события, а не на будущие возможности. Более того, они часто состоят в подыскивании адекватных целей для уже выбранных средств, а не средств для целей. Они могли бы считаться ценностнорациональными, однако совершающий их редко согласится признать, что они осуществляются лишь для того, чтобы утвердить в собственных глазах свою рациональность — странная ценность, носитель которой не готов признать ее присутствия! Они по своей природе связаны с аффектом, но это виртуальный аффект (Zeelenberg et al., 2018), который как раз и не наступает в результате того, что индивиды ощущают его угрозу. Разумеется, действия могут осуществляться без особой рефлексии и граничить с традиционными, но во многих случаях не являются таковыми. Более того, непонятно даже, можно ли считать их социальными: если социальное действие определяется Вебером как ориентированное на смысл, который будет придан ему другими, то для них характерно то, что главным из этих других является сам индивид, каким-он-сегодня-считает-что-он-будет-завтра.

В отличие от *homo economicus*, индивид, движимый предвкушаемыми сожалениями, с одной стороны, совершенно рационален в достижении своих целей, с другой — самые важные его цели относятся не к приобретению чего-либо, а к конструированию идентичности или производству впечатлений о себе сегодняш-

---

25. Например, на сегодня, 8 апреля 2019 года, «sociology of regret» не дает ни одной статьи в Google Scholar. В *opus magnum* Хокшильд описывается ситуативная типология эмоций, но сожаление или досада отсутствуют (Hochschild, 1983: 230–233).

нем на себя-завтрашнего, с третьей стороны, идентичность, которую он с таким упорством конструирует, — это идентичность полностью рационального субъекта. Действительно, то, что кажется внешним наблюдателям иррациональностью его поведения, вытекает из стремления быть совершенно рациональным в собственных глазах. Далее, перенос акцента с максимизации полезности на избегание сожалений добавляет к горизонту планирования справа, в будущем, горизонт слева, в прошлом²⁶. Действие, мотивированное избеганием сожаления, в этом смысле является тем, что Дэвид Блур описывает в своей классической статье как «монстра» — сущность, не укладывающуюся в нормальные классификационные порядки (Blour, 1978). Как он указывал там же, самые плодотворные периоды науки есть периоды приручения ею своих «монстров».

Для социологии эмоций сожаления — с одной стороны, возможность расширить репертуар изучаемых ею чувств, с другой — выйти за пределы несколько исчерпанного конструктивизма. Арли Хокшильд в «Управляемом сердце» замечала, что теоретики, писавшие об эмоциях, как правило, выделяли одну из них как свой излюбленный объект: Фрейд — тревогу, Гоффман — смущение и неловкость, и так далее (Hochschild, 1983: 216; см. также: Scheff, 2003). Здесь делалась попытка наметить контуры социологии эмоций, центральным предметом которой было бы сожаление. Конструктивистская социология эмоций самой Хокшильд подчеркивала, что чувства являются производными от определения ситуации, а сами определения ситуации исторически условны и могут изменяться агентами в своих целях. Исследование сожалений показывает и силу, и ограничения этого взгляда. Наши представления о секвенциях, допускающие удачные или неудачные исходы выбора, во многом заданы институциональным контекстом и исторически изменчивы, но при этом для конкретного индивида определения конкретной ситуации достаточно ригидны, чтобы их сложнее было изменить, чем саму ситуацию. Эмоции (или одна угроза столкнуться с неприятными их разновидностями) обладают пригрозительной силой.

Что может добавить к изучению досады и сожаления именно социологический взгляд на них? Первым ответом, разумеется, будет сама каталогизация практик, в которых мотивированные ими действия проявляются в социальной жизни. Некоторые из них мы перечислили в рубрике «индивидуальные адаптации». Второй задачей будет исследование имплицитных каузальных теорий, которые позволяют индивидам в своих мыслях объединять события в последовательности. Их логику — и логику, стоящую за их распространением и восприятием, — социолог способен расшифровать с гораздо большим успехом, чем психолог, сосредоточенный на том, как основанные на этих теориях эффекты проявляются в индивидуаль-

26. Та неопределенность, которую сожаление вносит в понимание рациональности решений, в некотором смысле симметрична неопределенности, вносимой горизонтом планирования в классической теории рационального выбора. Поведение, рациональное в краткосрочной перспективе, может оказаться иррациональным в долгосрочной, и наоборот (вероятно, самое известное применение этой идеи в социологии — противопоставление стационарного и кочующего бандита у Олсона (Olson, 1993)).

ном сознании, или экономист, рассматривающий, как они проявляются в специфически экономическом выборе. Наконец, как мы видели в части, посвященной коллективным действиям и коллективной памяти, избегание сожалений — и поддержание смысла жизни — это во многом следствие (и цель) социального взаимодействия. Соответственно, оно является источником моральных норм и взаимных обязательств, мотивирующих индивидов в их взаимодействиях с другими — той материи, которая составляет дисциплинарный heartland социологии.

Благодарности

Эта статья обязана своей нынешней формой многим людям, из которых совершенно невозможно не упомянуть Виктора Вахштайна, Дарью Димке, Александру Макееву, Олега Хархордина и анонимного рецензента «Социологического обозрения». Никто из перечисленных не несет ответственности за ее дефекты. Ее значительно более ранняя версия обсуждалась на летней школе по социальной теории в Волховом мосту в июле 2015 г.

Литература

- Андерсон Б. (2001). Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле.
- Божков О. Б., Протасенко Т. З. (2005). Гляжу в себя как в зеркало эпохи // Телескоп. № 6. С. 2–13.
- Соколов М. М. (2015). Социология как чудо: процесс sense-building в одной академической дисциплине // Социология власти. Т. 27. № 3. С. 13–57.
- Соколов М. М., Тутаев К. Д. (2013) Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. № 19. С. 239–275.
- Abbot A. (1995). Sequence Analysis: New Method for Old Ideas // Annual Review of Sociology. Vol. 21. P. 93–113.
- Arkes H., Blumer C. (1985). The Psychology of Sunk Cost // Organizational Behavior and Human Decision Processes. Vol. 35. Vol. 1. P. 124–140.
- Becker H. S. (1960). Notes on the Concept of Commitment // American Journal of Sociology. Vol. 66. № 1. P. 32–40.
- Bell D. (1982). Regret in Decision Making under Uncertainty // Operations Research. Vol. 30. № 5. P. 961–981.
- Bem D. J. (1967). Self-Perception: An Alternative Interpretation of Cognitive Dissonance Phenomena // Psychological Review. Vol. 74. № 3. P. 183–201.
- Bitgood S. (2006). An Analysis of Visitor Circulation: Movement Patterns and the General Value Principle // Curator: The Museum Journal. Vol. 49. № 4. P. 463–475.
- Bleichrodt H., Wakker P. (2015). Regret Theory: A Bold Alternative to the Alternatives // Economic Journal. Vol. 125. № 583. P. 493–532.

- Bloor D.* (1978). Polyhedra and the Abominations of Leviticus // *British Journal for the History of Science*. Vol. 11. № 3. P. 245–272.
- Boettcher W. A., Cobb M. D.* (2009). «Don't Let Them Die in Vain»: Casualty Frames and Public Tolerance for Escalating Commitment in Iraq // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 53. № 5. P. 677–697.
- Brockner J.* (1992). The Escalation of Commitment to a Failing Course of Action: Toward Theoretical Progress // *Academy of Management Review*. Vol. 17. № 1. P. 39–61.
- Buchanan T.* (1985). Commitment and Leisure Behavior: A Theoretical Perspective // *Leisure Sciences*. Vol. 7. № 4. P. 401–420.
- Connolly T., Zeelenberg M.* (2002). Regret in Decision Making // *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 11. № 6. P. 212–216.
- Connolly T., Ordóñez L. D., Coughlan R.* (1997). Regret and Responsibility in the Evaluation of Decision Outcomes // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 70. № 1. P. 73–85.
- Espeland W. N., Sauder M.* (2007). Rankings and Reactivity: How Public Measures Recreate Social Worlds // *American Journal of Sociology*. Vol. 113. № 1. P. 1–40.
- Festinger L.* (1957). *A Theory of Cognitive Dissonance*. Evanstone: Row, Peterson & Co.
- Frankl V.* (1984) *Man's Search for Meaning: An Introduction to Logotherapy*. L.: Touchstone.
- Garfinkel H.* (1956). Conditions of Successful Degradation Ceremonies // *American Journal of Sociology*. Vol. 61. № 2. P. 420–427.
- Garland H.* (1990). Throwing Good Money after Bad: The Effect of Sunk Costs on the Decision to Escalate Commitment to an Ongoing Project // *Journal of Applied Psychology*. Vol. 75. № 6. P. 728–756.
- Gilovich T., Medvec V.* (1995). The Experience of Regret: What, When, and Why // *Psychological Review*. Vol. 102. № 2. P. 379–395.
- Goffman E.* (1967). *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. N. Y.: Doubleday Anchor.
- Greenwald A. G., Banaji M., Rudman M., Farnham S., Nosek B., Mellott D.* (2002). A Unified Theory of Implicit Attitudes, Stereotypes, Self-esteem, and Self-concept // *Psychological Review*. Vol. 109. № 1. P. 3–36.
- Hargens L., Hagstrom W.* (1982). Scientific Consensus and Academic Status Attainment Pattern // *Sociology of Education*. Vol. 55. № 4. P. 183–196.
- Hochschild A.* (1983) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley: University of California Press.
- Hofman J., Sharma A., Watts D.* (2017). Prediction and Explanation in Social Systems // *Science*. Vol. 355. № 6324. P. 486–488.
- Kahneman D., Tversky A.* (1979). Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // *Econometrica*. Vol. 47. № 2. P. 263–292.
- King L. A.* (2001). The Hard Road to the Good Life: The Happy, Mature Person // *Journal of Humanistic Psychology*. Vol. 41. № 1. P. 51–72.

- Landman J.* (1987). Regret: A Theoretical and Conceptual Analysis // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 17. № 2. P. 135–160.
- Loomes G., Sugden R.* (1982). Regret Theory: An Alternative Theory of Rational Choice under Uncertainty // *Economic Journal*. Vol. 92. № 368. P. 805–824.
- Mathieu J., Zajac D.* (1990). A Review and Meta-analysis of the Antecedents, Correlates, and Consequences of Organizational Commitment // *Psychological bulletin*. Vol. 108. № 2. P. 171–201.
- McAdams D. P.* (2008). Personal Narratives and the Life Story // *John O. P., Robins R. W., Pervin L. A.* (eds.). *Handbook of Personality: Theory and Research*. Vol. 3. N. Y.: Guilford Press. P. 242–262.
- Merton R. K.* (1957). Priorities in Scientific Discovery: A Chapter in the Sociology of Science // *American Sociological Review*. Vol. 22. № 6. P. 635–659.
- Meyer J. P., Allen N.* (1984). Testing the «Side-Bet Theory» of Organizational Commitment: Some Methodological Considerations // *Journal of Applied Psychology*. Vol. 69. № 3. P. 372–401.
- Meyer J. W., Boli J., Thomas G. M., Ramirez F. O.* (1997). World Society and the Nation-State // *American Journal of Sociology*. Vol. 103. № 1. P. 144–181.
- Olson M.* (1993). Dictatorship, Democracy, and Development // *American Political Science Review*. Vol. 87. № 3. P. 567–576.
- Richard R., Van Der Pligt J., De Vries N.* (1996). Anticipated Regret and Time Perspective: Changing Sexual Risk-Taking Behavior // *Journal of Behavioral Decision Making*. Vol. 9. № 3. P. 185–199.
- Roese N. J., Summerville A.* (2005). What We Regret Most... and Why // *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 31. № 9. P. 1273–1285.
- Sagi A., Friedland N.* (2007). The Cost of Richness: The Effect of the Size and Diversity of Decision Sets on Post-decision Regret // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 93. № 4. P. 515–545.
- Savage L. J.* (1951). The Theory of Statistical Decision // *Journal of the American Statistical Association*. Vol. 46. № 253. P. 55–67.
- Scheff T. J.* (2003). Shame in Self and Society // *Symbolic Interaction*. Vol. 26. № 2. P. 239–262.
- Shore C., Wright S.* (1999). Audit Culture and Anthropology: Neo-liberalism in British Higher Education // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. Vol. 5. № 4. P. 557–575.
- Simonson I.* (1992). The Influence of Anticipating Regret and Responsibility on Purchase Decisions // *Journal of Consumer Research*. Vol. 19. № 1. P. 105–118.
- Smith B., Sparkes A.* (2008). Contrasting Perspectives on Narrating Selves and Identities: An Invitation to Dialogue // *Qualitative Research*. Vol. 8. № 1. P. 5–35.
- Sleesman D., Conlon D., McNamara D., Miles J.* (2012). Cleaning Up the Big Muddy: A Meta-analytic Review of the Determinants of Escalation of Commitment // *Academy of Management Journal*. Vol. 55. № 3. P. 541–562.

- Sokolov M.* (2017). Famous and Forgotten: Soviet Sociology and the Nature of Intellectual Achievement under Totalitarianism // *Serendipities*. Vol. 2. № 2. P. 183–212.
- Staw B. M.* (1976). Knee-Deep in the Big Muddy: A Study of Escalating Commitment to a Chosen Course of Action // *Organizational Behavior and Human Performance*. Vol. 16. № 1. P. 27–44.
- Stinchcombe A. L.* (1999). Making a Living in Sociology in the 21st Century (and the Intellectual Consequences of Making a Living) // *Berkeley Journal of Sociology*. Vol. 44. P. 4–14.
- Sugden R.* (1985). Regret, Recrimination and Rationality // *Theory and Decision*. Vol. 19. № 1. P. 77–99.
- Taylor C.* (1989). *Sources of the Self: The Making of the Modern Identity*. Cambridge: Harvard University Press.
- Wong K. F., Kwong J.* (2007). The Role of Anticipated Regret in Escalation of Commitment // *Journal of Applied Psychology*. Vol. 92. № 2. P. 545–600.
- Zeelenberg M.* (1999). Anticipated Regret, Expected Feedback and Behavioral Decision Making // *Journal of Behavioral Decision Making*. Vol. 12. № 2. P. 93–106.
- Zeelenberg M., Pieters R.* (2007). A Theory of Regret Regulation 1.0 // *Journal of Consumer Psychology*. Vol. 17. № 1. P. 3–18.
- Zeelenberg M., Oettingen G., Sevincer A. T., Gollwitzer P. M.* (2018). Anticipated Regret: A Prospective Emotion about the Future Past // *Oettingen G., Sevincer A. T., Gollwitzer P. M.* (eds.). *The Psychology of Thinking about the Future*. N. Y.: Guilford Press. P. 276–295.
- Zeelenberg M., Van Dijk, W. W., Manstead, A. S., Van der Pligt J.* (2000). On Bad Decisions and Disconfirmed Expectancies: The Psychology of Regret and Disappointment // *Cognition & Emotion*. Vol. 14. № 4. P. 521–541.
- Zerubavel E.* (2006). *The Elephant in the Room: Silence and Denial in Everyday Life*. Oxford: Oxford University Press.

Towards a Sociology of Regret

Mikhail Sokolov

Professor, European University at Saint Petersburg

Address: Gagarinskaya Srt., 6/1a, Saint Petersburg, Russian Federation 191187

E-mail: msokolov@eu.spb.ru

The paper looks into sociological implications of two discussions currently developing in behavioral economics and organizations theory: (1) regret theory, exploring the proposition that human decision making is governed by avoiding anticipated regret, rather than maximizing expected utility, and (2) studies of sunk cost fallacy, consisting in making decisions aimed at justifying previous decisions. We argue that these two areas of theorizing, presently isolated, are dealing with essentially the same phenomenon. This becomes evident if we recognize that choices are organized in sequences, with the merits of each particular choice being evaluated in the light of outcomes of the whole sequence. We then explore some general conditions of the ability

to anticipate regret: interaction with one's future Self and sequential organizations of states an individual find him/herself. We then discuss some widely spread forms of individual adaptations to the threat of experiencing regret: dissonance avoidance, prospective rationalization, cultivation of prescience, de-sequencing and open endings. We further explore various forms of collective actions involving regret avoidance, using the development of the sociological discipline as an example.

Keywords: regret theory; sunk cost; sociology of emotions; rationality; decision making; multiple Selves; sequences

References

- Abbot A. (1995) Sequence Analysis: New Method for Old Ideas. *Annual Review of Sociology*, vol. 21, pp. 93–113.
- Anderson B. (2001) *Voobrazaemye soobshhestva: razmyshleniya ob istokah i rasprostraneni nacionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism], Moscow: Kanon-Press-C, Kuchkovo pole.
- Arkes H., Blumer C. (1985) The Psychology of Sunk Cost. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, vol. 35, no 1, pp. 124–140.
- Becker H. S. (1960) Notes on the Concept of Commitment. *American Journal of Sociology*, vol. 66, no 1, pp. 32–40.
- Bell D. (1982) Regret in Decision Making under Uncertainty. *Operations Research*, vol. 30, no 5, pp. 961–981.
- Bem D. J. (1967) Self-Perception: An Alternative Interpretation of Cognitive Dissonance Phenomena. *Psychological Review*, vol. 74, no 3, pp. 183–201.
- Bitgood S. (2006) An Analysis of Visitor Circulation: Movement Patterns and the General Value Principle. *Curator: The Museum Journal*, vol. 49, no 4, pp. 463–475.
- Bleichrodt H., Wakker P. (2015) Regret Theory: A Bold Alternative to the Alternatives. *Economic Journal*, vol. 125, no 583, pp. 493–532.
- Bloor D. (1978) Polyhedra and the Abominations of Leviticus. *British Journal for the History of Science*, vol. 11, no 3, pp. 245–272.
- Boettcher W. A., Cobb M. D. (2009) “Don't Let Them Die in Vain”: Casualty Frames and Public Tolerance for Escalating Commitment in Iraq. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 53, no 5, pp. 677–697.
- Bozhkov O., Protasenko T. (2005) Gljazhu v sebja kak v zerkalo jepohi [Looking Inside Oneself as in the Mirror of Time]. *Teleskop*, no 6, pp. 2–13.
- Brockner J. (1992) The Escalation of Commitment to a Failing Course of Action: Toward Theoretical Progress. *Academy of Management Review*, vol. 17, no 1, pp. 39–61.
- Buchanan T. (1985) Commitment and Leisure Behavior: A Theoretical Perspective. *Leisure Sciences*, vol. 7, no 4, pp. 401–420.
- Connolly T., Zeelenberg M. (2002) Regret in Decision Making. *Current Directions in Psychological Science*, vol. 11, no 6, pp. 212–216.
- Connolly T., Ordóñez L. D., Coughlan R. (1997) Regret and Responsibility in the Evaluation of Decision Outcomes. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, vol. 70, no 1, pp. 73–85.
- Espeland W. N., Sauder M. (2007) Rankings and Reactivity: How Public Measures Recreate Social Worlds. *American Journal of Sociology*, vol. 113, no 1, pp. 1–40.
- Festinger L. (1957) *A Theory of Cognitive Dissonance*, Evanstone: Row, Peterson & Co.
- Frankl V. (1984). *Man's Search for Meaning. An Introduction to Logotherapy*, London: Touchstone.
- Garfinkel H. (1956) Conditions of Successful Degradation Ceremonies. *American Journal of Sociology*, vol. 61, no 2, pp. 420–427.
- Garland H. (1990) Throwing Good Money after Bad: The Effect of Sunk Costs on the Decision to Escalate Commitment to an Ongoing Project. *Journal of Applied Psychology*, vol. 75, no 6, pp. 728–756.

- Gilovich T., Medvec V. (1995) The Experience of Regret: What, When, and Why. *Psychological Review*, vol. 102, no 2, pp. 379–395.
- Goffman E. (1967) *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*, New York: Doubleday Anchor.
- Greenwald A. G., Banaji M., Rudman M., Farnham S., Nosek B., Mellott D. (2002) A Unified Theory of Implicit Attitudes, Stereotypes, Self-esteem, and Self-concept. *Psychological Review*, vol. 109, no 1, pp. 3–36.
- Hargens L., Hagstrom W. (1982) Scientific Consensus and Academic Status Attainment Pattern. *Sociology of Education*, vol. 55, no 4, pp. 183–196.
- Hofman J., Sharma A., Watts D. (2017) Prediction and Explanation in Social Systems. *Science*, vol. 355, no 6324, pp. 486–488.
- Kahneman D., Tversky A. (1979) Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. *Econometrica*, vol. 47, no 2, pp. 263–292.
- King L. A. (2001) The Hard Road to the Good Life: The Happy, Mature Person. *Journal of Humanistic Psychology*, vol. 41, no 1, pp. 51–72.
- Landman J. (1987) Regret: A Theoretical and Conceptual Analysis. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, vol. 17, no 2, pp. 135–160.
- Loomes G., Sugden R. (1982) Regret Theory: An Alternative Theory of Rational Choice under Uncertainty. *Economic Journal*, vol. 92, no 368, pp. 805–824.
- Mathieu J., Zajac D. (1990) A Review and Meta-analysis of the Antecedents, Correlates, and Consequences of Organizational Commitment. *Psychological Bulletin*, vol. 108, no 2, pp. 171–201.
- McAdams D. P. (2008) Personal Narratives and the Life Story. *Handbook of Personality: Theory and Research*, Vol. 3 (eds. O. P. John, R. W. Robins, L. A. Pervin), New York: Guilford Press, pp. 242–262.
- Merton R. K. (1957) Priorities in Scientific Discovery: A Chapter in the Sociology of Science. *American Sociological Review*, vol. 22, no 6, pp. 635–659.
- Meyer J. P., Allen N. (1984) Testing the “Side-Bet Theory” of Organizational Commitment: Some Methodological Considerations. *Journal of Applied Psychology*, vol. 69, no 3, pp. 372–401.
- Meyer J. W., Boli J., Thomas G. M., Ramirez F. O. (1997) World Society and the Nation-State. *American Journal of sociology*, vol. 103, no 1, pp. 144–181.
- Olson M. (1993) Dictatorship, Democracy, and Development. *American Political Science Review*, vol. 87, no 3, pp. 567–576.
- Richard R., Van Der Pligt J., De Vries N. (1996) Anticipated Regret and Time Perspective: Changing Sexual Risk-Taking Behavior. *Journal of Behavioral Decision Making*, vol. 9, no 3, pp. 185–199.
- Roese N. J., Summerville A. (2005) What We Regret Most . . . and Why. *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 31, no 9, pp. 1273–1285.
- Sagi A., Friedland N. (2007) The Cost of Richness: The Effect of the Size and Diversity of Decision Sets on Post-decision Regret. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 93, no 4, pp. 515–545.
- Savage L. J. (1951) The Theory of Statistical Decision. *Journal of the American Statistical Association*, vol. 46, no 253, pp. 55–67.
- Scheff T. J. (2003) Shame in Self and Society. *Symbolic Interaction*, vol. 26, no 2, pp. 239–262.
- Shore C., Wright S. (1999) Audit Culture and Anthropology: Neo-liberalism in British Higher Education. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, vol. 5, no 4, pp. 557–575.
- Simonson I. (1992) The Influence of Anticipating Regret and Responsibility on Purchase Decisions. *Journal of Consumer Research*, vol. 19, no 1, pp. 105–118.
- Smith B., Sparkes A. (2008) Contrasting Perspectives on Narrating Selves and Identities: An Invitation to Dialogue. *Qualitative Research*, vol. 8, no 1, pp. 5–35.
- Sleesman D., Conlon D., McNamara D., Miles J. (2012) Cleaning Up the Big Muddy: A Meta-analytic Review of the Determinants of Escalation of Commitment. *Academy of Management Journal*, vol. 55, no 3, pp. 541–562.
- Sokolov M. (2015) Sociologija kak chudo: process sense-building v odnoj akademicheskoy discipline [Sociology as a Miracle: The Process of Sense-Building in an Academic Discipline]. *Sociology of Power*, vol. 27, no 3, pp. 13–57.
- Sokolov M. (2017) Famous and Forgotten: Soviet Sociology and the Nature of Intellectual Achievement under Totalitarianism. *Serendipities*, vol. 2, no 2, pp. 183–212.

- Sokolov M., Titaev K. (2013) Provincial'naja i tuzemnaja nauka [Provincial and Native Science]. *Anthropological Forum*, no 19, pp. 239–275.
- Staw B. M. (1976) Knee-Deep in the Big Muddy: A Study of Escalating Commitment to a Chosen Course of Action. *Organizational Behavior and Human Performance*, vol. 16, no 1, pp. 27–44.
- Stinchcombe A. L. (1999) Making a Living in Sociology in the 21st Century (and the Intellectual Consequences of Making a Living). *Berkeley Journal of Sociology*, vol. 44, pp. 4–14.
- Sugden R. (1985) Regret, Recrimination and Rationality. *Theory and Decision*, vol. 19, no 1, pp. 77–99.
- Taylor C. (1989) *Sources of the Self: The Making of the Modern Identity*, Cambridge: Harvard University Press.
- Wong K. F., Kwong J. (2007) The Role of Anticipated Regret in Escalation of Commitment. *Journal of Applied Psychology*, vol. 92, no 2, pp. 545–600.
- Zeelenberg M., Pieters R. (2007) A Theory of Regret Regulation 1.0. *Journal of Consumer Psychology*, vol. 17, no 1, pp. 3–18.
- Zeelenberg M. (1999) Anticipated Regret, Expected Feedback and Behavioral Decision Making. *Journal of Behavioral Decision Making*, vol. 12, no 2, pp. 93–106.
- Zeelenberg M., Oettingen G., Sevincer A. T., Gollwitzer P. M. (2018) Anticipated Regret: A Prospective Emotion about the Future Past. *The Psychology of Thinking about the Future* (eds. G. Oettingen, A. T. Sevincer, P. M. Gollwitzer), New York: Guilford Press, pp. 276–295.
- Zeelenberg M., Van Dijk W. W., Manstead A. S., Van der Pligt J. (2000) On Bad Decisions and Disconfirmed Expectancies: The Psychology of Regret and Disappointment. *Cognition & Emotion*, vol. 14, no 4, pp. 521–541.
- Zerubavel E. (2006) *The Elephant in the Room: Silence and Denial in Everyday Life*, Oxford: Oxford University Press.